

НИНО ГУГУНИШВИЛИ

*В пятницу
вечером,
после восьми...*

Аннотация

Молодой журналистке Таше срочно нужны новая мечта, перемены, ну, и может быть, совсем немножечко чуда. Ведь ей ужасно надоели занятия пилатесом, она никогда не практиковала йогу, у неё нет даже водительских прав. С приступами всё чаще накатывающей меланхолии она пытается бороться при помощи нескольких бокалов Мартини, проводя одинокие вечера, уютно устроившись на диване у телевизора в компании своего лабрадора — Гриффина, изредка вылезая на встречи с подругами по — пятницам, предпочтительнее после восьми.

Привыкшая к своей однообразной и скучной жизни Таша, совершенно не подозревает о том, что прозвучавший обычным, ничего не обещающим зимним вечером телефонный звонок, перевернёт всё вокруг неё с ног на голову...

Нино Гугунишвили

В пятницу вечером, после ВОСЬМИ...

Посвящаю моему отцу

Благодарю всех, кто верил с самого начала, что из всей этой истории что-то получится и особенно моих друзей Лику Чичинадзе и Майю Агиашвили за поддержку и все те вечера пятницы, которые мы проводили вместе. Без них, этой книги могло и не быть.

Глава 1

Балтазар Хемиш проснулся с утра в плохом настроении. Моросил дождь, было сыро, пасмурно и противно. Со вчерашнего вечера у него побаливала голова. Его нервная молодая помощница Кларисса и директор отдела моды Хлое, раскладывали на столе макет следующего номера журнала.

Кларисса явно его немного побаивалась, и его кота Балтимора тоже. На ней был какой-то несуразный плащ и почему-то забрызганные грязью боты. Заголовок — «Признания неромантической богини» — попался Балтазару на глаза.

Заголовок ему не понравился. Каким-то он был неестественным. Эта затея с иностранными авторами в своем журнале, ему казалась заведомо проигрышной, непопулярной и несвоевременной. А все из-за этой упертой Лиз, его заместителя. Как вобьет себе что-то в голову, не выбьешь. Спротивление бесполезно.

Балтазар и так давно уже сожалел, что вообще ввязался в этот проект, с глянцем, который неизвестно еще когда окупится, а акционеры холдинга только и ждут, чтобы вытурить его с поста главного редактора.

— Кларисса, будь добра — четко выговорил он, — не забудь, еще раз предупредить всех, про совещание вечером, разошли всем римайндеры.

Кларисса быстро взглянула на него, и моргнула. Ей хотелось, побыстрее выйти из этой уютной комнаты и оставить своего нового босса наедине с чёртовым макетом. Она должна заваривать ему чай, записывать поручения в блокнот и по возможности хорошо выглядеть, но в присутствии Балтазара, ей становилось как-то не по себе, она терялась, и было нечем занять руки. Руки ее всё-время выдавали.

— Вам чаю? — спросила она виновато. — Пожалуй, — ответил Балтазар.

— Что ж, уже лучше — промелькнуло у Клариссы в голове, и она спешно вышла из

комнаты с двумя поручениями насчет рассылки римайндеров и чая. Хлое, все это время, со знанием дела раскладывая фотографии, как раз наоборот, выглядела очень даже уверенно, она лишь изредка насмешливо поглядывала на Клариссу и молчала. Через пять минут из комнаты вышла и она, оставив Балтазара наедине с самим собой.

Головная боль усиливалась. Он открыл нижний ящик своего письменного стола, и, разорвав обёртку, быстро проглотил таблетку, по привычке не запивая. Кот Балтимор запрыгнул ему на колени. До вечернего совещания оставалось четыре часа. Усевшись поудобнее, Балтазар начал читать материал. Читать было лень, но глаза уже впились в первый абзац печатного текста.

«Одна женщина под градусом, это ещё ничего. Вытерпеть можно. Семь подвыпивших женщин субботним вечером это почти что шабаш ведьм. Круглый стол отъявленных сучек.

Учтите дорогие мужчины, женщина за рулём это совсем не опасно, и даже женщина со сковородой или утюгом в руках необязательно ударит вас по голове. По крайней мере, она хотя — бы подождёт, пока вы отвернётесь, и только потом с размаху огреет вашу лысину, а брызги крови на кафеле, будет отмывать, каким-то порошком, напевая песенку про милого Августина. Мой вам

совет, увидели семь женщин сидящих за столом, и делайте ноги, не оглядываясь на их красивые, умные лица. Бегите что есть мочи! Они же настоящие медузы-горгоны!

Вы, я уверена, слышали, о пресловутой женской зависти? Зависть вкупе с ревностью это то, на что способны только особи женского пола. Вам этого вряд — ли понять, лучше и не пытайтесь, на такие страсти вы не способны. Пора уже с этим смирится. У вас такого стимула нет. И скорее всего не будет. Вы не сможете понять, что для нас значит, встретить в самый неподходящий момент знакомую, у которой на ухоженном лице написано, как она довольна, успешна и счастлива, и в постели у неё каждый вечер настоящая происходит Кама Сутра. Даже новое модное пальто выдаёт и излучает уверенность в завтрашнем дне, этой богини любви.

А знаете, что такое досадное поражение? Глубоко ошибаетесь, если полагаете, что это сгоревший обед или раскрытая тайна симулированного оргазма. Нет, совсем нет. Поражение, это когда стоишь ты в старых джинсах, а тебе навстречу, не спеша идёт та самая, без пяти минут богиня, и из-за ежедневных занятий йогой, даже не идёт, а парит над тротуаром!

Если бы вы вчера вечером подслушали наш долгий разговор, вы бы, дорогие мужчины,

испугались. Нет, это слишком мягко сказано, вы бы, наверное, нас пожалели, а потом ужаснулись. У вас бы разболелась голова, подлеченная печень и разыгралась бы язва желудка. Терпеть с непривычки пьяный дамский лепет трудновато.

Даже любовь ведьм и сучек надо заслужить. Могу намекнуть, это не трудно, если очень постараться, может и получится, хотя — бы с третьего раза. Методы обольщения можете выбрать сами, пусть здесь у вас будет свобода выбора. Но не слишком обольщайтесь. Не все приёмы действуют, особенно старые. Опоздали Вы. Здесь определённо нужны фантазия и инновационный подход. Без фантазии никак. Могу Вам порекомендовать несколько фильмов для просмотра, чтобы вы поняли, о чём речь. Чтобы направить ваш переутомившийся разум в нужное русло.

«Красотка», «Вам Письмо», «Как избавиться от парня за десять дней», «Реальная Любовь», «В один прекрасный день». Сериалов осознано, не называю, экономлю ваше драгоценное время. Это для вас перебор. Ещё не хватало, что бы вы уснули в самый ответственный момент, и прошляпили свой шанс увидеть новое, такое сексуальное бельё, в которое мы по случаю облачились. Несмотря на финансовый кризис. Имейте это в виду!

На третьем бокале красного вина, дорогие мужчины, обычно начинаются откровения. Куда же

делись мальчики, играющие в казаков — разбойников, читающие Фенимора Купера и Марка Твена? Куда они подевались? Их что-то не видно. Причём давно уже. Или это у нас так радикально изменились вкусы и вместо добрых, умных, симпатичных, холёных, успешных представителей мужского пола, нам стали нравиться безуспешно пытающиеся справиться со своей затяжной депрессией, со своими комплексами неудачники. Бараны — паразиты, пиявки — кровососы, которым нужно подставить наше сильное, загорело — сексуальное плечо, чтоб они не рассыпались и не закатились под диван или под кровать, как маленькие серебристые ртутные шарики.

Теряем форму! Нюх притупился, интуиция заснула беспробудным, летаргическим сном, от укуса мухи цеце! Боевая раскраска глаз, ресниц, щёк и губ, ни хрена не помогает. К чёрту солярий! Враки всё это и ерунда! Пора научиться вышивать крестиком, вязать, штопать, гладить и печь узорчатые яблочные пироги, а не смотреть фильмы про любовь. Насмотрелись уже, начитались. Конец фильма. Продолжения не последует. Последуют унылые, однообразные вечера перед телевизором, уход-приход на работу и с работы, редкие вылазки на природу или в опустевший зоопарк с ребёнком, семейные походы в кино, на новый фильм, спешно приуроченный к семейно-уютному празднику

Нового Года.

Надо отдать им должное. Иногда, продвинутые и хитрые представители мужского пола, нарциссы, влюблённые в неотразимых самих себя, пытаясь заткнуть вечно ноющую вторую половину и хранительницу очага, приглашают их на жизненную киношку, утончённое удовольствие на французский манер, в котором, где-то к середине повествования, появляется знойная рыжая вульгарная девица, охмуряет трудоголика мужа и заделывается ему в любовницы. Вот Вам и долгожданная эротическая сцена на кухонном столе или ещё круче, под столом в офисе. Детали опускаю. Белая, расстёгнутая на первые три пуговицы облегающая сорочка с выпирающим бюстом злой разлучницы, конечно же, присутствует, ну и куда без облегающей чёрной юбки. Персонаж должен быть красочно прописан. Ведь так? Ну, тогда и у попавшего в сети к знойной красавице главного героя, должно быть тоже что-то расстёгнуто, например ширинка. Это вам не детский фильм про Золушку.

Кстати, милые дети, оставшиеся на вечер с бабушками и предоставленные самим себе: чтобы вас не обманывали, знайте, Золушка умерла. Утопилась. Принц оказался негодяем, проходимцем и бездельником. На третьем году их совместной супружеской жизни он начал пить, принимать

наркотики и с завидным постоянством наведываться в бордели. А бедной Золушке пришлось драить полы и работать в поте лица на трёх работах.

Ведь, она дура, любила его без памяти. Так что дети, пускай Вас не обманывают. Долго и счастливо они совсем не жили. О судьбе Белоснежки тоже ничего хорошего, к сожалению, не известно. Оказалось, у неё со своим принцем сексуальная несовместимость, и аллергия на запах его курчавых волос. Размечталась она о групповом сексе с гномами. Так и мечтает с тех пор, а гномы — то, за это время устали ждать и постарели. Отсюда мораль: ловите момент, детки. Стоите обеими кривыми ножками крепко на земле и думайте об обеспеченном будущем. Только о своём. А тому негодяю, который посмеет сказать вам, что вы меркантильная сучка и вышли замуж не по любви, дайте не задумываясь кулаком в глаз, а ещё лучше ножкой с размаху в пах.

Лучше уж, милые детки, не читайте вы эти сказки. Займитесь чем — то другим, начинайте учить иностранные языки, например. Они вам больше пригодятся. Да, и компьютер. Без компьютера никак. А то вырастите, и не возьмут вас ни на какую работу. Станете дворниками, а ваш фамильный бизнес перейдёт к кому-то другому. Отчего, конечно же, родители вырвут волосы

сначала вам, потом себе. И останется у вас вместо семейного бизнеса, всего — лишь алопеция.

Ну, на крайний случай, если вам всё же подсунули этих дурацких книжек, приглядитесь к ведьмам, злодеям и злым, хитрым волшебницам, они нынче в моде. Это они только в книжках такие страшненькие чтобы вас напугать, а в жизни, они писаные красавцы и красавицы, умники и умницы. Вы уж поверьте.

Не ревите дети! Индиго вы или нет? Индиго дети знают, что в эпоху постмодерна, концовки бывают разные. Вы сами можете выбрать развитие и окончание истории. Финал, который будет вам больше по душе.

Снежинки на ладони, цветы, шоколадки в форме сердечек, поцелуи под дождём и весь этот мармелад — пожалуйста. Нравится? Тогда бегите, просите денег у родителей на билеты, или лучше разбивайте молотком копилки, ваше кино начинается».

Балтазар закончил читать статью, отхлебнул остатки чая и позвал Клариссу. Он обычно её звал голосом, нажимать на номер селектора ему не нравилось.

— Кларисса, позовите-ка ко мне срочно Лиз. Хотя, не надо.

Кларисса вышла, в недоумении. Станный

какой-то этот Балтазар, и имя у него тоже странное. Даже кот его, себе на уме. Если он попросит меня этого Балтимора оставить у себя, я не соглашусь. Потеряется ещё! И что же мне тогда делать? Клариссе от перспективы потери кота, стало не по себе. Вспотели руки, и вернулся давно подзабытый вегетативный невроз. Зачем звать Лиз, если вечером всё равно совещание? — подумала она. Лиз — Клариссе не нравилась. Она была слишком другой, из какого-то другого мира, слишком раскрепощённой и немного циничной. И было непонятно, то ли она филигранно флиртowała с Балтазаром, то ли ей было на него наплевать, то ли она его подсиживала. Умозаключения Клариссы прервались, когда Балтазар вышел из своего кабинета, на ходу одевая пальто.

— Буду через полтора часа, — бросил он ей и вышел.

Балтазар, наконец — то дозвонился до Лиз, говорить, столько, по телефону, сколько, она, ему представлялось непозволительной роскошью. Он даже немного злился, но сейчас, в его голове вертелась идея, и ему было не до злости.

— Лиз, как дела? Послушай, где ты нашла этот материал? Умница! Хороший ход! Со следующего месяца начинаем новую колонку — «Записки мужененавистницы» Что? «Записки Ведьмы» тоже ничего, ну, выберем, одно из двух,

главное, срочно свяжись с автором. Наплевать что она в другой стране. Мне она нужна здесь. Виза, вид на жительство, ну и разрешение на работу, Ну поищи на Facebook! Давай, действуй, ты ведь бывалая охотница за головами! Узнай электронный адрес, телефон! Не найдёшь, можешь не возвращаться. Не шучу, Пока, до вечера.

— Придурок, откуда я ему привезу какую-то девушку! — возмущалась Лиз, щекой придерживая захлопнутый свой старый мобильный телефон, над ней уже все подшучивали, но купить новый, она всё не решалась, не доходили руки. С темпом этого сумасшедшего Балтазара, у неё вообще не было времени ни на что. Она превращалась в яростного трудоголика и ненавидела себя за это.

— Пошёл к чёрту! До следующего выпуска, осталось совсем ничего, макет ещё не утверждён, а тут, ещё какого-то новичка устраивать. Позвоню один раз и всё, ну, pošлю письмо по электронной почте и посмотрим. Зачем её привозить, пусть шлёт свои опусы интернетом, дешевле обойдётся! — Потом она слегка успокоилась, пригубила кофе. От кофе, у неё всегда на один тон поднималось настроение. — Ладно, так и быть, может что-то путное и получится.

Лёгким, изящным, привычным нажатием на экран, Лиз открыла базу данных, участников нового проекта и всего через несколько минут нашла то,

что искала. Там была даже фотография автора забываемого текста, и все её данные. На вид она выглядела молодо, хотя и была в очках, но причёска у неё была какая-то ужасная. Ничего, подумала Лиз. Причёску исправим! И начала тут же писать письмо, молодой, подающей надежды незнакомке, удивляясь скорости, с которой её пальцы набирали слова.

Глава 2

Было ровно половина восьмого вечера. Её время, выгулять Гриффина, двухлетнего пса на ночь. Ещё один обычный вечер обычного дня её обычной жизни подходил к концу. По крайней мере, ей так казалось. Уже по направлению к дому, когда она мысленно поздравила себя с завершением вечерней прогулки без особых эксцессов, она услышала, как в кармане куртки зазвенел мобильный. Чёрт, лучше я не отвечу, — подумала она. Перезвоню потом. Ненавижу разговаривать по телефону во время прогулки. Разговаривая по телефону и одновременно гуляя со своим псом, я становлюсь потенциально опасной для пешеходов. Я могу просто напросто их снести. Её внутренний монолог прервался с третьего на четвёртый звонок. Быстро снять блокировку клавиш было трудно.

Да! — прокричала она в трубку, следуя своей

привычке громко разговаривать, и сразу же вспомнила мужа — француза ссвоей подруги, который каждый раз с опаской поглядывал в её сторону, услышав рывканье. Ну не любит он громко говорящих экзальтированных девиц и всё тут. Ничего не поделаешь. В трубке слышался незнакомый голос с хрипотцой.

— Здравствуйте, это Таша?

Секундная пауза. Ей показалось, что плохо слышно. Она прижала трубку к уху правой рукой, лихорадочно начиная соображать, кто ей звонит, пытаясь уловить интонацию. Врала её учительница пения, никакой у неё не абсолютный слух. Если и был, нет его больше. Был да сплыл. Она понимала, что глохнет от волнения, и сердце почему-то начинает колотиться.

— Да, это я, — ответила она, и ступила в огромную лужу. Ноги противно промокли. Лужа с асфальта переместилась прямоком в ботинки.

— Очень приятно, Таша, продолжал голос, Добрый вечер. Ведь у вас сейчас, мне кажется, вечер?

— Точно! Вечер. Вы не ошиблись, Таша могла — бы добавить что, вечер дождливый и ровным счётом ничего не обещающий. Но, интуитивно почувствовав, что её настроением не очень интересуются, а синоптическими деталями вряд ли стоит делиться, она, вовремя остановилась.

Этот обмен не нужной информацией, ей немножко действовал на нервы, но было интересно, что будет потом.

— Меня зовут Лиз Фостер, и я звоню Вам насчёт вашего участия в проекте у нас в журнале, «Stones» это ведь Вы автор статьи «Признания неромантической богини»?

Видимо её собака решила, что, она должна, ударится, головой об телеграфный или ещё какой-то столб. И ударилась. Больно. Наверно поэтому у неё вылетели из головы все слова кроме одного единственного слова — Да. То есть Yes! Учитывая то, что, разговор происходил на английском языке. Длинные фразы она строить не могла. Ни в уме, ни вербально. Вечерняя прогулка с собакой — это не время для лексикологических изысков.

— Да! (Один раз). Да! — Второй раз, поубедительнее, превозмогая ступор и оцепенение произнесла она в ответ.

— Ну, так вот, мы бы хотели предложить сотрудничать с нами. Регулярно. Предлагаем Вам стать нашим автором. Вы — же знаете, у нас ежемесячный журнал. Алло, Вы меня слышите, Таша? Вы там?

Полный тормоз. Вот уж никак она не ожидала, что 7:30 вечера, окажется пресловутым нужным временем, а нужным местом, загаженный

собачьими испражнениями пустырь неподалёку от её дома. Таша посмотрела в небо. Потом перевела глаза на конец поводка, и увидела, что собаке явно достался какой-то трофей из мусора. Она сейчас его проглотит, и будем неделю безвылазно сидеть у ветеринара — успела она подумать.

— Конечно, я здесь Лиз. Спасибо!!!!

Молодчина! Умница-разумница! вспомнила, наконец, ещё одно слово кроме вместилища — Да! — Всё — таки варит у тебя башка иногда! — пронеслось у неё в голове.

— Лиз, значит, если я правильно понимаю, вы хотите, чтобы я для Вас писала?

— Мы хотим, чтобы вы стали нашим постоянным автором. Ежемесячно готовили материал в каждый номер. Я — то, как раз этого совсем не хочу, подумала Лиз, закончив фразу. Одного материала было бы на первых порах вполне достаточно, но чёртову Балтазару померещилось, что он нашёл золотую жилу, а теперь разбираться приходится ей. Нет, не совсем так. Материал ей нравился, но она боялась себе в этом признаться. Лиз немножко даже завидовала. Даже очень! То есть очень нравился, и очень завидовала, нутром, шестым чувством или нюхом улавливая, что из этого может что-то путное получится.

Однако её раздражала заторможенность новоиспечённой авторши. Лиз не любила

везунчиков, которым из ниоткуда вдруг доставалось то, для чего другим нужно было долго и упорно работать. А эта Таша, была, как ей казалось, как — раз из их числа. Ей предлагают работу в одном из самых модных журналов, а она, видите ли, как — будто взвешивает, словно хочет отказаться. Впрочем, возможно и то, что, она, не очень хорошо понимает быструю речь на иностранном для неё языке, хотя, по присланному тексту этого не скажешь.

Что ж, сама придумала проект с новыми именами, на свою голову, сама и расхлёбывай, сказала Лиз себе, и попробовала, раскусить собеседницу.

Говорить пока с ней о собственной колонке вряд ли стоит, постоянный автор это одно, их много, а колумнист, это немножко другое. Это большая честь и её ещё надо удостоится. Для начала, нужно будет её хорошенько проверить. А может за неё пишет кто-то другой? Хорошо, что номер пока не готов. Да, её статья неплоха, но она, сама того не подозревая подкинула идею, — усмехнулась Лиз про себя. Пусть эта Таша напишет ещё с десятков статей на разные темы, а там — посмотрим. Один хороший материал, пока ещё ничего не значит.

— Таша, давайте договоримся, я присылаю Вам темы для будущих номеров, и вы в течение

двух недель, присылаете по каждой теме — статью, и потом уже мы решим всё остальное.

Под всем остальным Лиз подразумевала рабочую визу и вид на жительство, хлопот не оберёшься! Но до этого было ещё далеко. Ох, как далеко!

— Адрес электронной почты у Вас не изменился, с того времени, что Вы прислали материал?

— Да, то есть, нет, он тот же. Давайте, я его Вам всё — таки продиктую.

Мозговые извилины со скрипом, но всё же заработали, молодец девочка! Таша по буквам начала его диктовать Лиз. К тому — времени пёс благополучно пометил все шины соседних машин, и слопал, что-то, отдалённо напоминающее рыбью голову.

— Ну, вот, и замечательно! Договорились, я высылаю вам письмо прямо сейчас, чтобы убедиться, что, вы его получили, просто подтвердите получение, ладно? Темы вышлю завтра с утра. Было очень приятно, с вами познакомится, удачного окончания дня! Всего Хорошего! — сказал последнюю фразу вежливый, но невесёлый голос с хрипотцой.

— Мне тоже было очень приятно! Спасибо! Всего Доброго, Лиз! И вам хорошего дня! — прокричала Таша в ответ.

Связь по телефону прервалась, а за одно, и связь Таши с внешним миром.

Защитникам животных однозначно не понравилось бы то, что, она, вытворяла, с бедной собакой пытаюсь тащить её изо всех сил по направлению к дому. Но у неё было железное оправдание, надо было как можно скорее оказаться у компьютера. Её мозг рисовал радужнейшие картинки её лучезарного будущего, и мелочиться по поводу проглоченной головы тухлой рыбы и грязной кости, которую собака тащила к себе на коврик, на десерт, не было никаких сил. Сил хватило всего лишь на то, чтобы проорать на бедную, ничего не подозревающую маму, что ей только что предложили работу. Ту, о которой она мечтала. Мама, как и следовало ожидать, сказала, что, нужно срочно выщипать брови, покрасить волосы и поменять причёску. И бросить курить, или, в крайнем случае, попытаться научиться курить красиво. Второй вариант казался более приемлемым, принимая во внимание молниеносное развитие событий.

Таша включила компьютер. Не снимая куртки и грязных ботинок. Сильный вдох, клуб дыма. Ворчащая мама, и фыркающий пёс вместе с ней уставились в монитор.

На электронной почте были всевозможные рассылки, и непрочитанное письмо от Лиз Фостер.

Вот она исполнившаяся мечта! Таша кликнула мышкой и письмо открылось, подтверждая то, как Лиз и вправду рада с ней познакомиться сейчас, и будет рада сотрудничеству в дальнейшем. Таша тут же отписала ответ. И поцеловала маму, а заодно и собаку. Потом перечла письмо девять раз. Достала телефон и взглянула на номер, с которого звонила Лиз. Код был знаком. Но потом, она взглянула на адрес, с которого пришло письмо, и червь сомнения медленно закрался ей на ум.

С каких это интересно пор, у серьёзных изданий такие электронные адреса? Ладно, допустим, Лиз послала ей сообщение со своей почты, но почему? Там сейчас минимум пять часов вечера, самое рабочее время, если она и вправду заместитель главного редактора, как указано шрифтом поменьше в её письме, почему она не на работе? Да, и ещё, почему это во франкоговорящей стране, в которой издаётся журнал, сотрудники разговаривают на английском? Почему, когда она писала эту чёртову статью на английском, она ничего не заподозрила? Куда она вообще послала свою статью, и почему не подумала об этом раньше? Промах. И код на телефоне парижский. Что — то тут не так, её кто-то хочет надуть, и она даже знает кто. Ну, Эрика, ты даёшь! И как это она не додумалась!

Идиотка! Кретинка! Имбецил! Ведь её

подруга Эрика, была мастером по всевозможным розыгрышам.

Точно так же, много лет назад, она разыграла их общую приятельницу, убедив бедняжку, что какой-то испанец, которого она видела один единственный раз в жизни, влюблён в неё по — уши, и шлёт ей страстные письма с объяснениями в любви. Обман раскрылся не скоро, и Таша искренне удивлялась, как это жертва интернет — мошенничества, до сих пор с Эрикой не рассорилась. Ей стало не по себе. Единственный человек, который знал, что она послала статью в журнал, была Эрика. Ей стало тошно. Это было жестоко и несправедливо. Она рассердилась на себя и от этой всепоглощающей возникшей злости и обиды, ей захотелось выть.

Сначала, Таша решила позвонить Эрике и, не стесняясь в выражениях, наплевав на её мужа-француза, гневно высказать всё, что она думает, а после прекратить всякое с ней общение, до конца жизни. Но потом, такой банальный поворот, ей не понравился, и Таша очень быстро придумала поэтапный план мести.

* * *

Лиз была всё же довольна. Начиналось что-то интересное, и от предчувствия этого, ей чуть —

чуть сводило живот, как в детстве. Она встала, посмотрела на часы на мониторе компьютера и закрыла свой ноутбук. Надо было собираться на работу.

Приводить себя в порядок она умела за пятнадцать минут. Не до конца подсушенные волосы, запах любимого масла для тела, белая сорочка, чёрный пиджак с мужским кроем, узкие брюки, туфли на шпильке и — готово. Красилась она как обычно по дороге в машине. Пробок, как ни странно, не было, и она успела прикупить горячий вкусный кофе в любимом книжном магазине, не забыв заглянуть в раздел новых книг, и отметить про себя, которые из них она была бы не — прочь прикупить. До отпуска было ещё далеко. С темпом нового главного редактора, она вряд ли вообще поедет в отпуск в этом году. Отпуском будут называться, скорее всего, даже не субботы, а те редкие воскресенья, когда она хотя бы часок сможет поваляться на диване. И даже тогда, она не выключит телефон. Вот если — бы она была главным редактором, тогда конечно, всё было бы совсем по — другому, но сейчас, пока другой расклад и надо выждать. Пока рано. Пока.

За пятнадцать минут до начала назначенного совещания она по обыкновению заглянула в прихожую к Балтазару. Кларисса попыталась, приветливо улыбнутся ей в ответ, на приветствие.

— Какая-то она слишком быстрая, эта Лиз, прямо неестественно как-то — подумала Кларисса, и машинально ещё раз проверила почту. Она всегда так делала, когда нервничала. Не любила она эти совещания! чувствовала она на них себя, как какая — то инопланетянка. Все эти люди: Хлое — редактор моды, и выдающийся, как его то ли шутя, то ли в серьёз, называли Фотограф Себастьян, и особенно эта парочка Балтазар с Лиз, наводили на неё страх. Вернее, они были из какого-то незнакомого ей мира, тайного сообщества, в которое её, не смотря на старания, пока что, не принимали. Ничего, успокаивала она себя каждый вечер, ты всего лишь три месяца на этой работе, это просто притирка. Пройдёт. Всё будет хорошо. Но потом начинался новый день, и не всё было хорошо. Она любила только те редкие часы в офисе, когда была там одна, чувствуя себя в безопасности. Как только появлялся Балтазар, со своим растолстевшим котом Балтимором, всё шло к чертям собачьим. Кларисса всё время была натянута, рассеянна, и ей стоило огромного труда запоминать поручения босса, да ещё следить за тем, чтобы другие выполняли их. Ей было неудобно напоминать что-то кому-то, хотя это и входило в её прямые обязанности. Как — никак она была помощницей Балтазара. Ей стоило больших усилий над собой, не обращать внимания на ироничный

тон и насмешливые взгляды окружающих, когда она пыталась уточнить, не соизволит ли выдающийся фотограф, принести, в конце концов, снимки для следующего номера.

Выдающийся фотограф тем временем, весело подмигивал ей, и искусно уходил от прямого ответа. Всякий раз, когда Кларисса думала, что вот — вот разразится буря, и Балтазар наконец-то покажет своё истинное лицо, искусно скрывающееся за доброжелательностью, снимки были тут как тут. За те три месяца, что она начала работать в журнале, не было ни одного случая, когда бы её начальник хотя — бы чуточку, хотя бы на долю секунды, позволил бы себе выйти из себя. Это было — бы гораздо лучше, чем его изумлённый взгляд и изменившиеся интонации его голоса которые впивались Клариссе в голову, и отделаться от них было невозможно, потом ещё долго. Особенно трудным, и почти невыносимым был для Клариссы период до сдачи номера в печать. К сожалению, на этот раз он начинался совсем скоро, дня через два — три, а может и раньше. Временами ей казалось, что начальнику было глубоко наплевать, а на журнал тем более. Он мог подолгу пропадать в течении всего дня, и заглядывать в офис под вечер, когда она уже обычно собиралась уходить. Он выпивал чашку крепкого чая, и Кларисса, начинала чувствовать себя виноватой. Ей

казалось, что её желание побыстрее уйти домой, написано у неё на лице, и Балтазар всё это видит, но, ведь до её душевных мук, ему нет никакого дела, а потому, она вынуждена была ждать, пока, он выйдет из кабинета и невзначай заметит — «вы ещё здесь»?

А где — же интересно она должна быть? Ведь туда, куда, ей так хочется поскорей попасть, она доедет только через час. Придёт в свою маленькую квартирку и после невкусного ужина заляжет спать. Слишком уж она устаёт на своей новой работе. Но ей нужно терпеть. Очень нужно...

Лиз всегда нравился запах витавший в комнате главного редактора. Этот аромат чистоплотности и крепкого мужского парфюма. При этом, каждый раз заходя к нему, она, словно на ощупь пробиралась на территорию чужих привычек и вкусов. Она знала о них совсем чуть-чуть. Балтазар по её мнению, был в меру дружелюбен, в меру нахален, временами резок, холоден и чертовски самоуверен. Неудобного времени суток для него не существовало, и Лиз пришлось с этим смириться. Ей это даже нравилось. Иногда.

Её не интересовали какие-либо отношения за пределами офиса. Офисные романы всегда казались ей пустой тратой своего и чужого времени, и собственных сил в первую очередь. Фамильярность и сюсюканье она ненавидела ещё больше, а потому,

всегда немножко настораживалась, когда кто-либо переходил эту невидимую черту, и сразу резко отталкивала виновника или виновницу от себя. Она уже давно для себя решила, что её работа, хоть и без выходных, обожаемая ею и любимая, всё же, прежде всего — лишь работа.

При этом она искренне уважала своих коллег, и даже дружила с рыжей, весёлой Хлое, они часто вместе уходили на ленч или прогуливались по магазинам. Хлое была всего на несколько лет младше Лиз, только что вышедшая из декрета, с новыми как ей казалось гениальными идеями. Иногда она таскала своего малыша с собой на работу и кормила его с бутылочки. Не раз молочная смесь проливалась на фотографии с модных фото — сессий, что почему-то повергало Себастьяна в восторг, а Хлое в панику. Лиз, с каждым разом убеждалась, что институт няни гениальное изобретение. Малыш Франсуа тем временем, нисколько не возражал, что его обед оказался на платье у очередной знаменитости с красивого снимка, и что фотографию нужно будет напечатать заново, мирно засыпая в коляске. Больше всего волновалась Кларисса, она никак не могла понять, почему эти трое так веселятся. Кларисса, как казалось Лиз, вообще многого не понимала, ей было Клариссу немного жаль.

Мысленно она дала ей месячный срок

пребывания в должности. От силы — два. Больше, как ей казалось, помощница главного редактора не протянет. Работать в новом, модном, интересном, набирающем популярность журнале, по мнению Лиз, было явно не её призванием. Впрочем, возможно она ошибалась, но сейчас, карьера Клариссы её совсем не интересовала, а интересовала как всегда, своя собственная. Она отлично понимала: каждый забег-заход в большую, светлую, вкусно пахнущую комнату, приближал осуществление своей мечты. И приветливая улыбка на её лице была весьма кстати.

Балтазар поднял взгляд, на появившуюся в дверях Лиз. Жестом, он пригласил её зайти.

— Привет Лиз, ну как дела? Нашла мужененавистницу?

Ах, какое везение, шеф, оказывается в хорошем расположении духа. Значит, на совещании будет весело. Какое остроумие! Интересно, где он болтался целый день? — пронеслось у неё в голове. Но она была готова поддержать игру.

— На мужененавистницу она не очень похожа, по крайней мере, на фотографии, которую прислала.

— А на кого же тогда?

— Постой-ка, Лиз, тебе, что то, определённо не нравится, сожалеешь о своём проекте авторов — новичков, лень тебе возится с какой-то

иностранкой? Ну что ж, тогда интересно, как ты будешь выпутываться. — Балтазар внимательно посмотрел на свою собеседницу и улыбнулся.

— Ну, скорее, на эдакую девочку хиппи.

— А что, хиппи в 21 веке как раритет тоже интересно, ты с ней поговорила?

— Конечно. Мы договорились, что я вышлю ей несколько тем для будущих статей, она напишет, и потом мы решим, что же делать дальше с самородком.

Балтазар оценил страховочный ход Лиз. Хотя, он понимал, что она осторожничает. Не могла эта умная девочка с кудрями, не уловить того же, что и он. Но почему-то она не торопилась.

— Отлично, когда выберешь темы, перебрось мне тоже. Буду с удовольствием следить за развитием событий.

— Разумеется, Завтра с утра, они будут у тебя.

— О, ты меня перепроверяешь?! Ничего, прорвёмся. Будут тебе темы — подумала Лиз, глотнула кофе, встала и, направилась к выходу. Не попрощавшись.

Всего через несколько минут начиналось совещание.

Балтазар проводил её взглядом. Умная девочка Лиз — точнее сучка — подумал он и нарисовал на жёлтой бумажке длинноухого ослика, приклеив бумажку к монитору.

* * *

Лиз вышла с совещания, а в хорошем настроении, хотя и было уже поздно. Обычно в это время она сидела или где-то в баре с подружками, была с визитом или принимала гостей, а если ни того, ни другого, ни третьего не происходило, сидела у себя дома закутавшись в плед, читала, слушала музыку или смотрела телевизор. Обычный набор пока что одинокой женщины.

Ей нравилась начинающая нервогрёпка и суматоха перед запуском номера в печать, и запах свежего журнала. Хлое торопилась домой к малышу, Себастьян куда-то смылся. У него была такая особенность, он вечно тотчас же куда — то пропадал после очередного совещания, и не появлялся потом до следующего дня, а то и больше.

— Лиз, подбросишь меня? Неожиданно обратился к ней Балтазар.

— Конечно, куда?

— Тут рядом, свою машину я сегодня оставлю здесь.

— Давай, пошли.

Балтазар быстро направился к выходу, хорошо ещё, что придержал дверь, и пропустил Лиз вперёд.

— Какой — же ты всё — таки самоуверенный, Хемиш, — подумала про себя Лиз. — А может мне

совсем не хочется сажать тебя в свою машину, и вообще мне не по пути, я хотела заскочить часика на полтора, к Кейт и Грегори, посплетничать с ними, как всегда, посередине недели. Из-за тебя придётся отложить этот визит, и ехать прямо домой. Ну конечно, ты будешь развлекаться, а я ещё и ночью должна буду работать. Свинья ты, Хемиш, а я, наверное, дура. И лень мне с тобой ещё и в машине обсуждать дела, хватит уже, рабочий день закончился. Но деваться было некуда, Балтазар уже сидел на переднем сиденье её машины, в ногах у него лежала корзинка — переноска, с любимым котом. Представителей семейства кошачьих Лиз недолюбливала, относилась к ним с большим недоверием и опаской. Настроение у Лиз потихоньку портилось, Балтазар напротив, казался, доволен. Он явно не прочь поболтать, — подумала она.

— Ну, что, довольна?

— Чем?

— Чем, чем, своей жизнью одинокой, привлекательной, успешной женщины, мечтающей о карьере главного редактора как минимум, и о poste главы нашего издательского дома как максимум. Балтазар смотрел на неё с усмешкой.

— Очень довольна! — попыталась в тон ему ответить Лиз. — Особенно обожаю, когда ты звонишь мне посреди ночи, и будишь, со своими

бредовыми идеями насчёт раскрутки журнала, а потом ещё с утра ждёшь, не дождёшься, когда, я, буду тебя нахваливать и восхищаться твоим блистательным умом и неординарным чутьём. Ты — же у нас, редактор от бога, менеджер всезнайка, и вообще, мы все: Я, Хлое, Себастьян и Кларисса должны каждый день благодарить судьбу за то, что, нам повезло как никому другому, и на нашем жизненном пути появился ты, о, всемогущий Балтазар Хемиш!

Неплохо было — бы в конце длинной тирады заломить руки и поднять глаза куда-то вверх, как в старых немых фильмах, но Лиз крепко держалась обеими руками за руль, и не смогла доиграть сцену до конца.

Балтазар ни капельки не обиделся, а даже повеселел. Ему стало интересно. Он ничего не ответил, быстро поняв, что сцена пока не закончена. Лиз смотрела на дорогу и продолжала.

— И вообще, я каждый вечер перед сном только и думаю, как тебе напакостить, какую интрижку подбросить, и чего — бы такого подсунуть, чтобы ты убрался поскорее, и освободил место мне, я ведь так долго жду этого повышения, и так его заслуживаю.

— Оно и видно, я так и знал, что ты, специально придумала этот проект с новыми авторами, ведь он провалится к чёрту, и ты меня

подставила, ведь так? Давай колись!

Лиз сделала обиженное лицо, чуть выпятив нижнюю губу, хотя для Балтазара выражение её лица, больше походило на гримасу.

— Молодец, как ты догадался? Не ожидала, что раскроешь этот заговор против тебя любимого, так скоро. Сейчас нужно будет придумать что-то другое, чтобы на тебя обрушился, наконец, гнев акционеров и открылись бы у них глаза на пройдоху Хемиша. Надо отдать тебе должное, ты оказался умнее, чем я предполагала, а я сомневалась в твоих умственных способностях не на шутку.

— Что ж, недооценила ты соперника Фостер, пеняй на себя, всё, что будет потом — медленно ответил на длинный выпад Балтазар.

— А что будет потом?

— Ну, допустим, Кларисса займёт постепенно твоё место. Ты же не воспринимаешь её всерьёз?

— Не то, что, не воспринимаю, просто мне её жаль, не туда она попала.

— Очень некстати. И это твой серьёзный промах. Она спит и видит, как становится моим заместителем. Так что советую подсыпать ей завтра же яду в кофе или чай.

— Каким к чёрту заместителем, она ведь даже чай разлить нормально не может!

— А она пока не знает, что хочет им стать.

— Так значит, Хемиш, ты ещё и ясновидец?

— Если ты сейчас не возьмёшь руль влево, мы оба можем стать мертвецами — Фостер, и не видать тебе тогда, редакторского кресла.

Лиз повернула руль влево и затормозила.

— Хорошо водишь Лиз, реакция у тебя довольно быстрая, но по — моему, тебе не мешало бы подобрать очки.

— Откуда ты взял? Я замечательно вижу.

— А почему ты тогда всё время прищуриваешься?

— Это у меня нервный тик.

— Да, что-то, у тебя их много. Нервных тиков.

— Интересно каких же?

— Когда ты о чём — то думаешь, ты всё время трогаешь свои локоны, и накручиваешь на указательный палец. Кстати, у тебя волосы сами выются, или ты, долгими, утренними часами торчишь перед зеркалом?

— Хемиш, это парик, я вообще — то лысая. А ты бестактный, самовлюблённый болван. И кот у тебя точно такой же надменный, кастрированный тип. Ну что, нечем крыть?

— Почему же, хотел тебя пригласить выпить, но расхотелось. Передумал. Тебе ведь надо поработать, Так что увидимся завтра. И постарайся не касаться банальных женских тем, неинтересно. Придумай что-то оригинальное. Постарайся хотя —

бы не искать их в Google.

Балтазар слегка прикоснулся к её плечу и быстро вышел из машины. Лиз от его прикосновения передёрнуло.

— Придурок! — прокричала она ему в след и нажала на газ. Настроение у неё испортилось окончательно. К Кейт она сегодня не попала, поругалась с начальником, и ещё надо было работать, чтобы какая-то вертихвостка, получила тёплое место. Её место.

Лиз довольно быстро добралась до дома. Начинался дождь. Ей не хотелось выходить из машины и мокнуть, хотя до дома было близко.

Почему Балтазар вообще начал её подкалывать? Он ведь все это заранее придумал. Специально напросился в пассажиры. Ну, хорошо, всё уже знают, что, кому нужно, вернее он знает, чего хочет она, а чего хочет он? Лиз сидела, облокотившись на руль и подперев пальцем подбородок. Откуда-то снизу послышался шорох, потом приглушённый писк и мяуканье. От неожиданности Лиз вскочила, больно ударившись о руль подбородком. Лиз наклонилась к переднему сиденью, потирая ушиб, и увидела корзинку-переноску. Этого ещё не хватало! Лиз вытянула корзину: внутри сидел Балтимор, он был явно недоволен пребыванием в переноске, и громко

замяукал.

— Привет, кастрат, потерпи, сейчас я позвоню твоему хозяину. Видишь ли, он так увлётся, что позабыл тебя в машине.

Лиз набрала номер Балтазара. После четвёртого гудка включился автоответчик, и Лиз оставила сообщение.

— Балтазар, это Лиз, извини, что отвлекаю тебя от приятного времяпрепровождения, в конце трудного рабочего дня, но, видишь ли, твой кот у меня в заложниках, я вообще-то могу его утопить или потерять, так что, советую перезвонить как можно скорее. Пока.

Она закрыла трубку телефона и, прихватив свою огромную сумку, ноутбук, а за одно, и корзинку с Балтимором направилась к дому.

— Ну, что, добро пожаловать, посиди пока тут, пока твой хозяин не объявится. Лиз поставила переноску у двери, сняла пальто и привычным движением положила ключи от машины, компьютер и сумку на большой деревянный стол.

Балтимор мяукал. Наверное, голоден — решила Лиз. — А что интересно едят коты? Молоко. Точно. Но молока у меня нет, есть только низкокалорийный йогурт.

— Да, противный кастрат оставил меня ещё и без завтрака. Но не морить — же его голодом, так и быть, поделюсь с ним последним куском, может,

перестанет, наконец, истошно мяукать.

Лиз выпустила Балтимора из корзинки и поставила перед ним еду на маленьком блюде с синими цветочками. Кот посмотрел на неё с недоверием, и сначала медленно, а потом побыстрее, стал лакать жидкую смесь.

— А ты ничего, симпатичный.

Лиз присела на корточки, хотела погладить кота, но он юркнул под стол.

— Чувствует, что не люблю кошек. Ну и ладно, пусть сидит себе под столом, всё равно мне некогда с ним возится, нужно хотя бы чуть — чуть поработать.

Лиз переоделась, в свои любимые домашние брюки и майку, насыпала себе хлопьев, открыла ноутбук. Тут телефон стал насвистывать мелодию из фильма «Убить Билла». О, наконец-то!

— Лиз, я только сейчас прослушал твоё сообщение, не уверен, что смогу заехать за Балтимором, так что ты уж как-нибудь постарайся его не топить и не душить до завтра.

— Протащу его за хвост до самого офиса!

— Я заеду за ним с утра, не успеешь.

— У меня нет никакого желания видеть тебя прямо с утра, лучше я сама его привезу в офис. Не бойся, я его не задушю, ну может, закормлю до смерти, чтобы он заткнулся и перестал мяукать.

— Вот этого делать не советую, если только,

ты не решила поменять обожаемую работу, на что-то другое.

— Об этом я подумаю, потом.

— О, как банально, наверное, завтра?

— Вот именно.

— Скажи ещё, что завтра будет новый день.

Обожаю фразы из фильмов!

— Да, завтра обязательно будет новый день, и, подозреваю, если ты от меня сейчас же не отстанешь, — не самый лучший в твоей жизни!

— Пока!

Лиз захлопнула телефон. Балтазар Хемиш, оказывается, киноман. Какое везение. Она накрылась пледом, и, включив телевизор, стала кочевать с одного канала на другой. Ничего интересного. Посмотрела на экран ноутбука, надо было подбросить хоть одну тему Таше. Лиз быстро написала письмо, перечитала, отправила и переслала его Балтазару. Работа была закончена, можно было позвонить Кейт и поболтать с ней, хотя бы по телефону.

Поболтать не получилось, у Кейт дома назревала очередная смертельная схватка двух её детей индивидуалистов, Антуана и Шарлотт. Кейт должна была успеть их разнять до кровопролития. Лиз слышала окрики и беготню, и нехотя закончила разговор, почувствовав, что не сможет принять участия в переделе детского пространства.

— Ещё один совершенно дурацкий вечер — подумала она и поплелась на второй этаж к себе в спальню. Балтимор продолжал всё ещё сидеть под столом, совершенно не собираясь оттуда выходить. Лиз заснула, но как оказалось ненадолго. К тому времени, когда она проснулась, Балтимор соизволил, наконец, выйти из своего убежища и прокрался к ней в спальню. Он не собирался спать и на планы Лиз ему было совершеннейшим образом наплевать. Никаких животных у Лиз никогда не было, даже в детстве. Находиться с незнакомым котом в одном помещении, издающим какие-то непонятные звуки, то ли мяуканье, то ли шипенье, ей было не привычно и немного страшновато. Лиз прислушивалась, затем она присела на кровати и включила торшер. Кот сидел в углу кровати и в упор смотрел на неё.

— А если он подкрадётся и выцарапает мне глаза, когда я засну? Чёрт! Она попыталась спихнуть Балтимора, но кот прошипел и отпрыгнул назад.

— Эй, давай спустимся вниз, я тебя, чем-нибудь накормлю, только не пугай меня, ладно?

Лиз встала и вышла из комнаты, хитрый Балтимор последовал за ней, бесшумно спускаясь по ступенькам.

— Так, давай посмотрим, что у нас есть. Лиз

открыла холодильник, достала остатки обезжиренного творога, и предложила Балтимору полакомиться.

— Ничего, похудеешь чуть — чуть. Маленькая, однодневная диета. Вернёшься домой, и можешь есть, сколько влезет.

Лиз посмотрела в окно, дождь лил не переставая. Почему-то ей вспомнились боты Клариссы, в которых она вчера и сегодня была на работе. Лиз распахнула стеклянную дверь, выходящую на большую веранду, на которой она обычно в хорошую погоду любила завтракать. Но хорошей погоды не было уже наверно две недели и прогноз ничего обнадеживающего пока не обещал.

Балтимор облизывался.

— А, понравилось? Доволен. Рада, что, хоть тебе угодила. Лиз усмехнулась самой себе, вслух разговаривая с котом, которого заинтересовала веранда: он быстренько проскользнул туда сквозь приоткрытую дверь.

— Эй, куда это ты, постой Балтимор! Да постой говорю тебе, противный кот, куда же ты залез, я тебя не вижу.

Лиз включила свет, но, кота не было видно. Она начала заглядывать под промокшие стулья и кресло-качалку, под стол, Балтимора и там не было. Лиз забежала обратно в комнату, и начала искать в прихожей, в своей спальне, передвигая мебель,

отодвигая шкафчики, и красивые кожаные сундучки, она даже заглянула в стиральную машину, но кота и там не было. Балтимор! Ты где? Хватит прятаться, поиграли в прятки и всё, я уже вся промокла.

— Кот, ты где, как же их подзывают, кис-кис?

Балтимор, на кис-кис не отзывался, как впрочем, и на своё имя.

— Котик, ну куда же ты делся? Выходи, кастрат чёртов! Надоел уже! Задушу тебя точно!

Веранда дома выходила во двор. Лиз сбежала по ступенькам, поскользнулась и упала, больно ушибившись.

— Балтимооооор! — заорала она от пронизавшей её боли, удивляясь и пугаясь голосу, которой у неё вырвался. Пижама на ней была совсем мокрой. Волосы лезли в глаза, было очень холодно. Рука ныла. Она обошла весь двор, напоролась на какие-то колючки от чего узкая полоска крови выступила на ладони.

— Будет замечательно, если я сумею найти этого противного кота, и попытаюсь не остаться инвалидом. Проклятый кот. Проклятый Балтазар!

Со двора был виден её красивый дом, и ей вдруг захотелось вернуться, забыть о Балтиморе, забраться к себе в кровать и уснуть. Она не виновата, что её начальник такой идиот!

— А что, если я его не найду, что я вообще

скажу завтра Балтазару? — Извини, я не смогла уследить за твоим котом до утра? Я не способна ни на что, кроме как каждое утро накручивать локоны перед зеркалом, как ты выразился?! Он ведь начнёт и никогда не прекратит издеваться. И это самое ужасное.

— Кот, кот, кис-кис, умоляю тебя, появись, и обещаю, я больше никогда не буду обзываться, а слово обжора, вообще забуду на всю жизнь.

Пригнувшись Лиз ещё раз обошла весь задний двор. Потом ещё раз и ещё. Она надеялась почему-то найти следы Балтимора на траве. Но никаких следов не было. Словно не существовало никакого кота.

— Завтра будет новый день для всех других, а для меня он начнётся с воспаления лёгких и увольнения с работы по собственному желанию. Боже, куда же он мог залезть, Балтимоор!!!!

Надо позвонить Кейт, она заядлая кошатница, и наверняка знает, куда коты имеют обыкновение деваться. А если его собьёт машина? Или может уже сбила?

Лиз побежала по направлению к дому, ноги скользили. Ворвавшись на веранду, она нечаянно задела рукавом пижамы ручку входной двери. Рукав порвался. На маленьком журнальном столике перед телевизором лежал телефон. На экране предательски мигало позднее время, три часа, сорок

минут утра.

Лиз набрала номер Кейт, заранее догадываясь о её первой реакции.

— Кейт, это я.

— С тобой всё в порядке? Что случилось? Все живы — здоровы? Всё нормально?

— Не очень, я поранила, и, возможно вывихнула руку, а главное — потеряла Балтимора. Рука болит ужасно, ладонь порезана, может понадобится шов. А этот треклятый Балтимор улизнул.

— Минуту. — Сказала Кейт после паузы.

Лиз обожала Кейт, за её умение схватывать интонацию и информацию на лету.

— А кто такой Балтимор? Я его что-то не припоминаю...

Ещё больше, Лиз любила Кейт, за её странное чувство юмора, не покидающее её ни при каких обстоятельствах.

— Да нет, Балтимор, это кот Балтазара Хемиша, которого он забыл сегодня у меня в машине. Ну, кот моего главного редактора.

Лиз услышала знакомый смех Грегори. Он вырвал мобильник у Кейт, и, смеясь, обратился к Лиз.

— Ты уже называешь их котами?

Дай сюда. Вернула себе телефон Кейт.

— Кейт, это обыкновенный кот, и он

потерялся. Я обыскала весь дом, веранду, двор, и его нигде нет, я понятия не имею, где он может быть. Как ты думаешь, куда он мог подеваться? Помнишь, когда у тебя потерялся, Пикассо, ты ведь его нашла.

— Ну, да, только Пикассо была кошкой, и она, вернувшись, через некоторое время родила восьмерых котят. Грегори их раздарил потом всем своим сотрудникам.

— Что же мне делать?

— Поищи в шкафах, они иногда залезают туда.

— Нет его там, у меня уже весь дом вверх дном.

— Не знаю, правда.

— А я знаю — Прокричал Грегори весело.

— Где?

— Если не найдёшь, покупай таких — же двоих. Одного оставь себе, чтобы мучили тебя муки совести, а другого подари шефу, ну как компенсацию, и увольняйся, лучше сама. Хотя вряд ли успеешь, он, и сам тебя прогонит. А если не прогонит, этот нарцисс тебя возненавидит. Выхода у тебя особого нет.

Лиз почувствовала, что Кейт на этот раз, согласна с мнением мужа, и, извинившись за поздний звонок, решила позвонить Балтазару и рассказать всё как есть. Вернее — как было.

— Пусть включится автоответчик, и может быть, Балтазар перезвонит только утром, а кот, в конце концов, тем временем может и объявится.

Не успела Лиз послать в космос своё самое заветное желание, как в телефоне послышался голос её главного редактора, которого, скорее всего, мучила бессонница.

— Балтазар, это Лиз, привет. Знаешь, я хотела тебе сказать, что я и вправду укладываю волосы феном, но не каждое утро, а когда мне не лень. Не лень, впрочем, бывает часто.

— Ты решила со мной флиртовать, Фостер? Вот так, прямо среди ночи?

— Нет, я хотела тебе сказать, точнее извинится.

— О, мой котик по мне соскучился и просится домой?

— Твой котик решил прогуляться по окрестностям и пока не возвращался. Я ищу его уже всю ночь, и его нигде нет!

— Что? Говори свой адрес быстро!

Балтазар примчался так скоро, что Лиз не успела переодеться, она всё ещё была в мокрой пижаме и тапочках, с кровоточащей ладонью и дико болящей рукой, которая постепенно распухала.

— Ну и что говорят в таких случаях? Прямо с порога налетел на неё Хемиш.

Лиз устала, и словесные перепалки ей за вечер порядком поднадоели; при этом она чувствовала себя виноватой и злилась на себя и на Балтазара.

— Предлагают чай, кофе или что — то по — крепче, например виски.

— Сейчас не время пить, давай одевайся, будем искать.

— Извини, я просто открыла дверь на веранду, а он взял и выскочил. Я накормила его творогом. Почему ты не предупредил меня, что он может взять и вот так прямо убежать?

— Я совсем не собирался оставлять Балтимора у тебя в машине.

— Конечно, ты увлёкся оскорблениями и был жутко доволен собой, а про бедного кота забыл. Иди и ищи его сам, а я лучше пойду, посплю. Видишь, я даже порезалась из-за тебя, и наверно у меня останется некрасивый шрам.

— А знаешь, иди-ка лучше ты сама, и поищи ещё раз, а я пожалуй выпью горячего кофе.

— Хемиш, ты, и вправду дурак, или придуриваешься? Я больше не сделаю ни шагу. Мне холодно, и я уже точно простудилась, сам забыл своё животное, сам и ищи.

Лиз присела на диван, и вид у неё был такой, что Балтазару пришлось искать кота самому, по всей огромной веранде и по двору. Но кота опять нигде не было. Он искал Балтимора часа полтора.

Спать Лиз совсем уже расхотелось. Надев свои старые Хантеры, а сверху прямо на пижаму куртку, она тоже спустилась во двор, и поиски продолжались до самого утра.

— Устала?

— Да, и мне ужасно хочется курить.

— Ты ведь бросила недели две назад?

— Откуда ты знаешь?

— Видишь ли, я иногда слышу, как вы сплетничаете с Хлое.

— Ты что подслушиваешь?

— Ты со мной опять заигрываешь, Лиз?

— Я просто очень хочу сигарету.

— Я не курю.

— Знаю, такие, как ты, в большинстве своём не курят.

— Почему? В колледже я курил, а потом бросил. Мне надоело.

— Ну, значит ты исключение из правил.

— Из каких?

— Ну, нарциссы вроде тебя, обычно, слишком поглощены своим здоровьем.

— Ты воспринимаешь меня как нарцисса?

— Я воспринимаю тебя, как моего нового шефа, которому было совершенно нечего делать в моей машине, забывать там своего кота, и портить мне вечер и ночь. И, тем не менее, он это сделал. А сейчас вот стоит и даже не пытается скрыть, что

только и думает о том, как бы ему побыстрее выпить кофе. И мне почему-то кажется, что наплевать моему шефу на своего кота, как и на всех остальных вокруг. Я не права?

— Абсолютно права, насчёт кофе.

Кофе был горячим, ароматным и очень вкусным. Они даже не садились, стоя друг против друга и пили молча.

— Он, наверное, убежал. Наконец первым прерывая молчание, сказал Балтазар.

— Я пойду. Надеюсь, позвонишь, если Балтимор объявится.

— Надеюсь, объявится — Ответила Лиз и направилась к входной двери, вслед за Балтазаром.

— Да, «Завтрака у Тиффани» не получилось. В этой пижаме с разорванным рукавом, опухшей рукой и окровавленной ладонью на Одри Хепберн ты не тянешь.

Лиз, не ответив, только широко улыбнулась Балтазару, и с размаху захлопнула за ним дверь. Пошёл к чёрту! — прокричала она ему в след, сбившись со счёта, в который уже раз за этот день и за эту ночь.

Глава 3

Сидеть и дуться на подругу детства, не имело никакого смысла. Нет, дуться, это слишком мягко

сказано.

Таше хотелось, как выражалась одна её приятельница, вырывать из себя куски мяса. Это означало, что она в бешенстве. Кровожадный образ её всё же напугал. Организм требовал сладкого. Думай. Думай. Думай. Тербила она саму себя. Нужно дотерпеть до утра, а потом начнётся увлекательнейшая игра, и кто же в ней интересно победит? Проигрывать она не собиралась. Пусть Эрика сделает следующий ход, вышлет темы для будущих статей. У неё уже чесались руки.

Вот только она никак не могла понять, кто же ей на самом деле звонил, она ведь проговорила по телефону, минут десять уж точно, если не больше.

Та кто, выдавала себя за некую Лиз, говорила совершенно без акцента. Хотя и это устроить совсем не трудно, ведь у Эрики за годы учёбы и работы по всему свету, накопилось множество друзей, некоторых из них Таша даже знала, они приезжали к ней в гости.

С завтрашнего дня начнётся новая жизнь. Мечь её не будет знать никакой пощады, и гнев обрушится на выявленных соучастников этой сомнительной затеи, но это в самом конце поединка. И всё же, не давали ей покоя вопросы. Зачем она это придумала, чего она этим добивается? И почему именно Таша, с чего вдруг, она решила, бить побольнее? Что ей я, Таша такого

уж плохого сделала?

До чего медленно проходит время, скачать и посмотреть фильм что ли? А что, идея! Всё равно не уснуть мне этой ночью, — пыталась успокоить себя Таша.

— Посмотрю Крёстного отца — В самый раз! С тематикой, попадание прямо в яблочко! — Таша включила ноутбук, нашла фильм, и, устроившись на диване начала его смотреть, словно делала это в первый раз.

На драматичной сцене, где Кейт, жена Майкла Корлеоне признаётся ему, что это был не выкидыш, а самый настоящий аборт, как впрочем, и вся их супружеская жизнь, и Майкл бьёт её по лицу, Таша поняла, что, ей всё же, не до их семейных передраг и потопала спать. По дороге в спальню, ей ужасно захотелось выкурить ещё одну сигарету, и она вышла в пижаме на балкон, накинув пуховую безрукавку. На балконе было холодно. В трёхэтажном кирпичном доме напротив, и в шестнадцатиэтажном тоже, большинство жителей проводили остаток ночи за просмотром телевизора. Тотальная бессонница! Выброшенный окурочок сигареты полетел вниз и приземлился на асфальт. Пахло снегом. Интересно, что же будет завтра?

Таша плотно закрыла за собой дверь, зашла в свою комнату и легла в кровать. Досчитав до семидесяти пяти она, наконец, уснула.

Таша считала, что утро для неё именно то время дня, когда можно наслаждаться своим одиночеством и заниматься всякими глупостями.

И в это утро ей не терпелось, оставшись одной дома просмотреть почту, без свидетелей, один на один с тем, что скрывало письмо, какой-то выдуманной Лиз Фостер, а на самом деле, её подруги — Эрики.

Письмо оказалось кратким, без изысков. Лиз предлагала ей тему стресса при кризисах, в самых разных его проявлениях. Начиная с личного и, заканчивая — экономическим. Ну что ж, кризис так кризис.

— Ха, Эрика, напишу я тебе про кризис и стресс, сейчас, вот только подумаю, с чего начать — Подумала Таша, и начала печатать.

«Мы не потерянное поколение. Мы поколение сильно пьющих женщин. Мы уже давно не выбираем Пепси. Но мы, как и всё цивилизованное европейское сообщество, научились ждать конца рабочей недели. Вечер пятницы, или, как любит выражаться одна из моих подруг — Friday Night — это откровения, это истории, рассказы о случившемся за неделю, жалобы, ахи, охи и вздохи. В пятницу обязательно надо чуть — чуть забыться,

чтобы в понедельник с новыми силами, или без сил, начать борьбу, сражение и войну заново. С врагом в лице скуки, одиночества, плохого настроения и негатива, подло поджидающих нас на каждом шагу. В эпоху технического прогресса это становится всё труднее. Нашим родителям, возможно, было полегче. Пили ведь преимущественно наши отцы. А мамы просто баловались, и глотка «Baileys» для них было вполне достаточно для хорошего настроения. Им бы в голову не пришло наведаться в китайский или турецкий ресторан на следующий день, чтобы снять признаки похмелья кисло — острым горячим супом. Впрочем, тогда, ни китайских, ни тем более турецких ресторанов у нас в городе не было. А унисекс только начался духами от Калвина Кляйна, но это было уже позже.

При чём здесь унисекс и равенство полов, спросите вы. А притом, что, женщины, помимо всего прочего, отобрали у мужчин и прерогативу напиваться вдрызг. Если Вам их жалко, мужчин, то есть, очень зря, ведь именно они в большинстве случаев и являются виновниками женских стрессов и кризисов. Замаячил мужчина на горизонте — стресс. Нет его — кризис. Был, но решил уйти — стресс. Решил остаться — кризис. Если подумать: стрессы и кризисы сопровождают женщину с самого её рождения, а потому, во взрослый этап своей жизни она входит довольно подготовленной,

но это только так кажется на первый взгляд. Потому, что, начинают происходить вещи, которые сильно выбивают её из колеи. Надолго.

Универсальный совет, как, перебороть финансовый кризис, прост: постарайтесь не выходить из дома без крайней надобности. Разве что только по пятницам. Пятница, суббота и воскресенье это святое. В остальные дни можно спокойно сидеть дома. Работа-дом. Работа — Дом. Дом — работа — дом. Не волнуйтесь, вы не сойдёте с ума и не свихнётесь. А если всё — таки начнёте сомневаться и увидите симптомы раздвоения своей личности, можете из вышеупомянутой цепочки выбросить работу. К чёрту. На хрен. Без сожалений. Останется у Вас родной дом. Отчий дом. Мир вашему дому.

Нужно забыть о том, что в гараже у вас стоит машина. Хотя бы до пятницы. Пешие оздоровительные прогулки это не только гимнастика для тела, но и для ума. Ум во время прогулок замечательно проветривается. Также нужно сократить походы в салоны красоты. Мучить кожу и волосы совершенно не к чему, сейчас в моде всё натуральное. Даже седина.

Финансовый кризис поможет вам понять истинную цену дружбы и любви.

Ваши друзья соскучатся, и, не имея возможности вас часто видеть, при встрече

оживлённо будут рассказывать неизвестные новые истории из своей жизни, жизни своих детей и непутёвых коллег.

Закажите кольца, как у царя Соломона, и не поленитесь выгравировать на них мудрые слова, как у него на перстне; какие, вы, и сами знаете. Я не буду уточнять. Хотя, скорее всего, экономический кризис не подразумевает походы к ювелиру, так что берите простой лист бумаги формата А 4 и пишите большими буквами, то, что должно было быть выгравировано на кольцах, а потом развесьте по всей квартире. Поэтому не верьте тому, кто станет пугать вас страшными картинками Армагеддона, ведь и это пройдёт и всё возвратится на круги своя, а до этого, всегда можно откупорить пузатую бутылку, залежавшуюся у Вас в баре».

Таша поставила точку в конце предложения и решила, что нужно порасспросить своих подруг, как они борются со стрессом и кризисом. Она как ей казалось, советует читательницам, превратится в пьяных домоседок. А это было совсем не то, что, ей хотелось доказать. Наоборот, требовалось написать что-то жизнеутверждающее и оптимистичное.

Марго была идеальной кандидатурой для первого звонка. Привыкшая за долгие годы к Ташиным расспросам, она, подумав, всегда деловито отвечала на заданный вопрос. Деловито и серьёзно.

— Марго, привет!

— Привет Ташка, куда пропала?

— Да так, никуда, сижу, дома балдею!

— Я бы тоже с тобой вместе с удовольствием предалась ничегонеделанью, в Альпах, например.

— Слушай Марго, вспомни, когда в последний раз у тебя был стресс или кризис. Или, то и другое вместе. Мне очень нужно для статьи.

— Ну, стресс у меня почти каждый день. И у него есть имя — Жоржа — сокращённое, от Жоржет, ей 42 года и она редкостная сука. При всём при этом она ещё и моя начальница. Я прихожу домой уставшая, налетают трое детей, и всегда всем недовольная Клементина. Стресс усиливается, я эту Клементину, если честно, немного побаиваюсь, мне кажется, что она не няня моих детей, а моя строгая гувернантка. Когда я говорю по телефону, я запираюсь в ванной, чтобы она не слышала с кем и о чём я разговариваю. Только когда я засыпаю, я успокаиваюсь, но тут просыпается маленький, и перелезает ко мне в постель посреди ночи, каждую ночь. Как я понимаю, ты к нам в гости ещё долго не придёшь?

— Нет, почему же. Обязательно забегу на днях. Таша ненавидела это своё «забегу» означавшее, что ей до Маргошиных проблем особых дел нет. Вернее она сможет потерпеть часа полтора, но не больше. Потом ей захочется обратно

к себе домой. Но сейчас, Марго была её респондентом, и она хотела закончить мини-интервью.

— Марго, ну а кризис?

— Ну не знаю, смотря что, ты подразумеваешь под кризисом. Если то, что, из статуса жены преуспевающего банкира, я превратилась в мать — одиночку то да, это был серьёзный кризис. Хотя если бы я не заедала его тарталетками и эклерами, я бы конечно не очутилась в спортивном зале, и не познакомилась бы там с Ним. Марго, почему-то с недавних пор, избегала называть имена своего бывшего мужа и ставшего уже бывшим, любовника.

— Спасибо Маргош! Ты очень мне помогла. Люблю тебя!

— Да ну тебя, пишешь непонятно что, да ещё в стол, не надоело тебе, а?

— Нет, совсем не надоело, наоборот, я только начинаю. Решила заделаться в колумнистку!

— Ну — ну, давай, иронично заметила Марго, и они распрощались.

Из рассказа Марго, следовало, что стресс, это когда у Вас стерва — начальница, а дома строгая няня, а кризис же, это когда уходит бывший муж, и снова стресс с появлением нового ухажёра, и снова кризис + стресс с его же скорым исчезновением. Что-то не клеилось, оптимизма не хватало. И Таша

позвонила одной из самых здравомыслящих своих подруг — Насте.

— Насть, Привет!

— Ташка, ты в своём уме, я тебе звоню, звоню, хоть бы один раз перезвонила!

— Ладно, остынь. Мне срочно нужно два ответа на два вопроса.

— Давай, только я за рулём и долго разговаривать не смогу, за мной патруль едет.

— Тогда я тебе потом перезвоню.

— Да, как же, обязательно перезвонишь.

— А давай, я напишу тебе SMS, и ты ответишь, не сердись.

— Ладно, давай.

Через полтора часа, пришёл ответ от Насти, впрочем, пунктуальной она никогда не была, и Ташу это не удивило. Удивило её то, что было в сообщении.

«У меня сильный стресс. Из-за твоих дурацких вопросов, на меня сзади наехал Джип. Подозреваю, что если через час не встретишься со мной, кризис наших отношений с последующим разрывом гарантирован. Целую, Настя».

Остроумная барышня, однако. Эрику я и так уже наверно потеряла, подумала она, терять ещё и Настю, Таше не хотелось. Она быстро перезвонила.

— Насть, с тобой всё в порядке?

— Всё нормально, у нас сбор. Через час.

Эрике я уже звонила, и она тоже придёт. Она ведь уезжает к себе в Брюссель завтра вечером, Так — что давай, шевелись.

Ах, значит Эрика, которая вообще не появлялась, тоже будет! И вдруг Таша разозлилась.

Что я делаю, чего я тут понаписала! Зачем, всё это, о чём я думала, заигралась идиотка, вопросы — ответы! Настя ведь только — что, из — за меня в аварию попала!

И даже не задумываясь, машинально, Таша начала набирать текст письма на английском.

Уважаемая, Лиз!

Спасибо большое за Ваше письмо. Согласно нашей договорённости, высылаю Вам статью. Предупреждаю, хоть Вы этого и не заслуживаете, у Вас, сейчас будет, сильный стресс.

Потому что, уважаемая Лиз, Вы, конечно, та ещё сука! И мне совершенно наплевать, что вы обо мне или о моей статье подумаете. Потому что, Вы лживая и подлая. И вас на самом деле не существует, а выдуманный Вами виртуальный персонаж жалок до безобразия!

Ну что, моральный кризис у Вас ещё не наступил?

Так как морали у Вас никакой нет, он Вам вряд ли страшен. Не согласны? Можете засунуть ваше несогласие к себе в вашу толстую, безобразную задницу!

С уважением,
Клотильда Флокхардт (Если Вы можете быть
Лиз Фостер, почему я не могу, интересно, быть
Клотильдой?)

P.S.

ЭРИКА, ТЫ В СВОЁМ УМЕ???

Таша, даже не удосужившись перечитать написанную статью, прикрепила её отдельным файлом к письму, перечитала только письмо, и отослала. Потом встала очень довольная и направилась к своему гардеробу, решив выбрать что — то по — торжественней. По — торжественней означало, что-то новое, чёрное и блестящее. То, чего её подружки пока не видели. Никаких джинсов и свитеров. Просто, но со вкусом. Через час Таша уже входила в маленькое полупустое кафе. Через окно она увидела сидящую за столиком Эрику, которая что-то говорила официанту. — Лучше сейчас — же всё выяснить, а не дуться! Таша решительно вошла в кафе и направилась к столику.

— Ташка! Я по тебе так соскучилась! Ну, где же ты пропадала? Я ведь скоро уезжаю!

— Эрика, знаешь, — Таша начала лихорадочно снимать пальто, потом перчатки, выложив свой чёрный клач на стол.

— Эрика, ты сошла с ума. Нет, ну точно, ты сбрендила!

— Сделаете заказ? — спросил некстати подошедший официант.

— Да, Американо — рывкнула Таша. Официант удалился.

— Таш, ты чего на меня налетаешь, это как раз ты, выжила из ума, В чём дело?

— Ты подлая, лживая, стерва! Вот в чём!

— Да объясни, наконец! Чего набросилась?!

— Ты же сама всё замечательно знаешь, Эрика, зачем, ну зачем ты написала, это долбаное письмо?

— Какое письмо, что ты несёшь?

— Ах, не помнишь, забыла? То самое, от имени какой-то Лиз Фостер, предлагающей мне стать постоянным автором журнала «Stones» и выславшей сегодня мне тему для следующей статьи о стрессе и кризисе! Ну, вспомнила? Ты ведь мне ещё и звонила, впрочем, не ты, а кто-то из твоих подруг, и представилась этой самой Лиз. Надо отдать тебе должное, сначала я и не врубилась, поверила, но ты допустила существенный промах, тот, кто со мной говорил, разговаривал на чистейшем английском, но журнал-то выходит во Франции!

Эрика недоумённо, с ужасом смотрела на подругу.

— Ташка, да не звонила я тебе, и никто тебе не звонил, и письма я никакого не писала, делать мне больше нечего! Ты чего, это же так подло!

— Вот именно! Подло и жестоко! Но о том, что я послала свою статью, в журнал на конкурс, знала только ты!

— Ты писала на английском, или на французском?

— Да на английском, французский язык у меня давно в пассиве.

Эрика достала из сумки Ipad.

— Как называется журнал, говоришь?

— «Stones».

— А фамилия этой Лиз?

— Фостер. Да ладно тебе, не существует никакой Лиз Фостер, признайся, что это была ты, и шутка получилась неудачная. Кстати, я тебе, ну то есть ей, всё-таки ответила.

— Таша!!!! Не писала я тебе ничего! Клянусь своей девочкой.

— Какой — такой девочкой Эрика?

— Той, которая родится через семь месяцев.

Таша выпустила клубок дыма прямо Эрике в лицо.

— Спасибо Таш! — Эрика отвернула голову и замахала руками.

— Эрика! Ты чего, это, правда? Правда?! У тебя будет ребёнок. У тебя будет девочка! Боже —

мой! Извини, извини, даже если это была ты, ну и что? Хотела меня развеселить. Не получилось, розыгрыш раскрылся!

— Ташка, ты, меня, не слышишь что ли? Выросли мы уже из дурацких розыгрышей, и Гийом бы меня точно убил, если бы узнал, что я с тобой так поступила. Он, кстати, зайдёт по — позже. Сказал, что соскучился по девочкам.

— Эрика, а как ты назовёшь девочку, Ташей?

— Хотела, но передумала!

— Да ты что?! Не смей!

— Дура ты Ташка, тупица самая настоящая!

Смотри!

Таша перевела взгляд на экран планшета и увидела красивую блондинку, которая улыбалась в объектив.

— Вот, твоя, Лиз. Никакая она, не выдуманная и она заместитель главного редактора, «Stones» который, кстати, издаётся на двух языках. Видишь? А главный редактор, какой симпатяга, какой-то Балтазар Хемиш! Ух, ты! Послушай, журнал очень даже ничего, и здорово, что они печатают фотографии сотрудников. И вот, их новый проект для молодых авторов!

— Да знаю я про проект, я ведь послала туда статью!

— Таша, чего ты там понаписала, в ответе а?

— Я послала его Лиз, ну то есть тебе.

— Мне, на мой адрес?

— Нет на её. Какой-то странный был адрес.

Эрика быстро проверила свою почту, письма от Таши там не было.

— Таша, мне ты определённо ничего не слала, по крайней мере, у меня его нет. Значит, ты послала его Лиз Фостер, вот этой привлекательной женщине. Но она не виртуальная, а самая настоящая, из плоти и крови, и на ней офигенные туфли!

Эрика, посмотрела на Ташу и та вдруг испугалась. До неё вдруг дошло. Мозг всё ещё переваривал информацию о ребёнке Эрики, но известие о том, что никакого розыгрыша не было и в помине, полилось мелкими струйками пота по ташиному лбу.

— Господи Эрика! Что я наделала! Дай сюда! Таша вырвала у Эрики компьютер и впилась в него глазами.

— О боже! Я, я, послала письмо именно туда! Что теперь будет! Эрика, что мне делать? Какая я идиотка!

— Давай, выпьем! То есть ты выпьешь!

— Принесите, пожалуйста, пятьдесят грамм чего-нибудь крепкого этой дуре! — попросила Эрика официанта, который явно с интересом наблюдал за перепадами настроения за столиком. Он обожал подслушивать чужие разговоры, и из

обрывков фраз наловчился выстраивать целые истории, а тут перед его глазами разворачивалась настоящая драма.

Таша залпом выпила содержимое бокала. Ей хотелось кричать и плакать, или рвать на себе волосы. Вот тебе и стресс с кризисом. Какая ирония!

Потом забежали Настя с Марго и Гийом.

— Не рано пить то? спросила Настя, которой не терпелось рассказать детали недавнего дорожного происшествия, что, владелец Джипа обещал сам всё уладить и выглядел при этом вполне ничего, но Таша была целиком поглощена своими переживаниями. Гийом что-то рассказывал о своей поездке в деревню и дегустацию вин. Таша хотела этого меньше всего, но темой встречи, всё же, стало её глупое недоверие к ближайшей подруге.

Марго сказала, что в чудеса не мешало бы, иногда верить. Банальные фразы к месту и не к месту однозначно были её коньком. Настя заказала Виски и поделилась с Ташей. Гийом предлагал ей политическое убежище, в случае гонений и иска со стороны оскорблённого адресата письма и пытался шутить, но после гневных взглядов супруги Эрики замолчал и притих.

Все, как могли её успокаивали, но после ещё трёх рюмок водки, ей стало ясно, что завтра она

отправится в китайский ресторан со всей компанией, и у неё будет болеть голова весь день. А с мечтой заделаться в автора колонки, ей придётся попрощаться, если не навсегда, то, по крайней мере, надолго.

* * *

Проснувшись, Лиз обнаружила в телефоне пять пропущенных вызовов, два сообщения, распухшую правую руку, рану на ладони с запёкшейся кровью, и то, что она спала одетой на диване. Ну да, может быть, это было не самое лучшее утро в её жизни, но удивляясь самой себе, она была в прекрасном расположении духа. Утро омрачало лишь осознание того, что Балтимор куда-то смылся. Но потерянный кот начальника — не повод для смены работы. Потеря кота, это ещё не неудачный номер, с плохими продажами журнала, а всего лишь случай, несчастливый совсем не для неё, а для её начальника. От горячих струек воды рана на ладони заныла. Может пойти к врачу? Или позвонить Джемайме, если есть время, пусть заскочит.

Выбравшись из ванны, Лиз, набрала номер Джемы. Пропущенные звонки были от Кейт, Хлое и Клариссы. Все они, по мнению Лиз, могли чуть-чуть подождать. Доктор Джем, как звали

Джемайму Хенстридж, её подруга детства, была значимее их всех, особенно этим утром.

Вдобавок, рассказывать Кейт о прошлой ночи Лиз не хотелось. Кейт с её воображением видела во всём, какие — то тайные знаки и смысл и любила додумывать истории, у которых должен был быть обязательно хороший финал, другое развитие событий она не воспринимала, альтернатива её не устраивала. Будучи натурой романтической, она имела обыкновение связывать в пары своих знакомых и друзей, и сильно разочаровывалась, когда пар не получалось. Она могла бы быть замечательной сводницей, если бы захотела, но Кейт стала сценаристом и матерью большого семейства, переносящей свои фантазии и истории из жизни своих знакомых на бумагу. Истории хорошо продавались, но Лиз иногда боялась что-то ей рассказать. По выражению лица Кейт, нетрудно было догадаться, что, откровения Лиз, обязательно попадут в один из будущих сценариев. Перед каждым рассказом Лиз предупреждала, просила и умоляла, чтобы эпизоды из её личной жизни оставались тайной хотя бы на этот раз, и, конечно же, Кейт клятвенно обещала не использовать их. Но в каждом новом сценарии Лиз узнавала частички себя, частички Джем и других их общих знакомых. Надо отдать должное Кейт, скандалов никогда не случалось. Сюжет был обычно до того закручен,

что любовные переживания героев становились часто лишь фоном, хотя не всегда. Вчерашние поиски Балтимора уж точно подходили под это «не всегда», а по этому, Лиз отложила звонок к ней на более подходящее время.

Джемайма как всегда бодро ответила на звонок Лиз, обещала навестить вечером и посоветовала помазать на рану мазь предпочтительнее с антибиотиком, а руку не особо нагружать. Таскать тяжёлые предметы или делать перестановку мебели она категорически не рекомендовала. Чётко и ясно. Очень в её стиле. В отличии от Кейт, Доктор Джем была реалисткой, ненавидела смаковать интимные подробности жизни других и никогда не лезла с лишними вопросами. Она верила фактам и руководствовалась поступками, анализируя при необходимости только то, что, лежало на поверхности. Нюансы, детали и полутона человеческих отношений её не очень интересовали.

Для своих она была и психоаналитиком, и косметологом и терапевтом. В остальное время, почти без выходных, она была блестящим детским хирургом, обожала верховую езду, дорогие украшения, вкусно готовить и плотно обедать и ужинать. Голодание и всевозможные диеты она ненавидела, что было отчётливо видно по её фигуре.

Лиз обещала ей в точности исполнить указания, пожелала удачи в предстоящей тяжёлой операции, которая начиналась через час, и распрощалась. Намазав на пораненную ладонь остатки «Неоспорина», Лиз вышла на веранду и, следуя привычке, уселась в мокрый шезлонг. Через полчаса, после двух телефонных звонков выяснилось, что у сына Хлое поднялась температура, и она отпросилась до вечера, и что Балтазар, по сбившемуся рассказу Клариссы был с утра явно не в духе. Ещё — бы, ведь он вчера потерял своего любимого кота!

Продолжать поиски Балтимора, Лиз откровенно не хотелось, кошачьей еды и молочных продуктов у неё не было, пришлось поставить только блюдце с водой, окликнуть беглеца пару раз и, не услышав никаких звуков, напоминающих мяуканье, выйти из дома, и направится в офис, по той — же дороге, что и всегда. Удачно припарковав машину, она забежала в книжный магазин за кофе и быстро вернулась обратно.

Лиз быстрым шагом вошла в офис. Клариссы на месте не оказалось, дверь Балтазара была приоткрыта. По обыкновению, с сумкой наперевес, с картонным стаканчиком в одной руке, в той, которую Джемайма велела не загружать, и ноутбуком в другой, она просунула голову в проём двери и попыталась сказать «Привет» как можно

проще. Так, чтобы приветствие было в меру равнодушным, вежливым и в меру весёлым. «Привет» и улыбка. Лиз сделала и то, и другое.

— Где тебя носит Лиз! — набросился на неё Балтазар. На нём была идеально отглаженная розовая сорочка от Пола Смита, и он был небрит. Обычный имидж мужчины, который, как — будто о себе не очень заботится. Но его выдавали слишком ухоженные ногти на руках.

— И зачем тебе телефон, если ты на него не отвечаешь?! С таким — же успехом ты могла бы носить пейджер, может лучше слышала бы его писк.

— А разве пейджеры ещё выпускают?

— Не знаю, как — то не было времени узнать.

— Извини, я проспала. Иногда такое со мной случается, особенно если целую ночь...

— Детали прошлой ночи меня не интересуют! — не дал ей договорить Балтазар.

— О, а что же тогда, может попасть в круг твоих интересов?

Балтазар словно её и не слышал.

— Мне с утра позвонили из нашего лондонского офиса. Им срочно, до вечера нужен новый бизнес — план и презентация. Не будет презентации, журнал возможно, закроют. Скорее всего — закроют, потому что акционеры, по — прежнему не довольны, твердят, что бюджет

раздут, проект не прибыльный, не оправдывает их ожиданий.

— Подожди, но журналу всего три года, почему они так быстро решили опустить руки?

— Спроси чего-нибудь, полегче. А лучше, без лишних вопросов, приступай к работе над презентацией.

— Понятно, — подумала Лиз. Ожиданий не оправдал не проект сам по себе, а конкретные люди над ним работающие, и теперь Хемиш пытается спасти собственную шкуру с моей помощью. Хочу я этого или нет, придётся признаться, он намерен тащить меня за собой в пропасть, в любом случае, так что ничего не остаётся, как спасти и собственную задницу тоже.

— У тебя не так уж мало времени, до пяти часов успеешь.

— А что будет в шесть часов?

— На шесть часов назначена встреча с двумя представителями главного офиса, здесь — же у нас. Презентацию будем вести вместе.

— Они что, приехали?

— Ну, да и явятся вечером. Кстати, можешь поработать дома, если тебе удобнее, будет готово, позвони.

— Замечательно. Но пока я доберусь, потеряю время, так что я лучше тут останусь.

— Мне всё равно. Учти: в пять, презентация

должна лежать у меня на столе. А теперь иди. А где Хлое?

— Франсуа заболел, и она отпросилась до вечера.

— Вечером до неё не будет никому никакого дела, можешь ей передать, пусть остаётся у себя. И бездельник Себастьян, тоже может не появляться. Мне сегодня нужна, только Лиз Фостер!

— Летаю от счастья!

— Полетаешь потом, а сейчас давай работай.

Лиз вышла от Балтазара. Кларисса объявилась, и вопрошающе смотрела на неё.

— Да не волнуйся ты так, — хотела сказать Лиз, но почему-то просто подмигнула ей, затем направилась к себе в комнату, закрыла за собой дверь, достала свой ноутбук, потом передумала, включила офисный компьютер с огромным экраном, закурила и начала готовить презентацию, от которой зависело многое, а возможно и всё. В промежутке она позвонила Хлое и сообщила ей приятную новость о том, что молодая мама, могла без угрызений совести наслаждаться обществом своего сына попросив только, чтобы та, предупредила Себастьяна — показываться на глаза Хемишу сегодня не стоит. Это могла бы совершенно спокойно сделать за неё Кларисса, но Лиз хотела совсем чуть-чуть, на несколько минут отвлечься, и потом снова засесть за презентацию. О

своей находке — о Таше, она решила до следующего дня забыть. Сейчас нужно было сконцентрироваться на вещах поважней.

Важная вещь была готова ровно в пять вечера. Лиз перечитала все слайды и хотела было попросить Клариссу выпечатать завершённую работу, но потом решила что сначала, не мешало бы, показать её Балтазару, его не оказалось в офисе.

— Что — за привычка, пропадать, когда впереди деловая встреча, и осталось до неё всего полтора часа, а он ещё не видел исполненного задания. Когда же всё — таки он успеет его просмотреть? Так и быть, выпечатаю две копии, а затем окончательный вариант, когда Хемиш его одобрит.

Не успела она выйти из комнаты и посмотреть, не вернулась ли на рабочее место Кларисса, как в дверях показался Балтазар.

— Ну что, готово?

— Да.

Лиз открыла файл и стала внимательно следить за выражением лица Балтазара. Он, усевшись в её кресло и облокотившись на стол, быстро переходил с одного слайда на другой.

— Лиз, почему ты так не любишь цифры? У тебя нигде, кроме двух слайдов ничего не сказано о потенциальном росте прибыли. Хотя, с концепцией развития бренда всё отлично.

— Не люблю, потому, что, математические формулы я не очень понимаю, и они мне ни о чём не говорят.

— Ладно, мисс утончённость, цифры и обороты я возьму на себя. Нормально. Можешь печатать. Балтазар быстро вышел из комнаты.

— Можно попить кофе, напечатать успею за десять минут, — подумала Лиз, подошла к автомату с разнообразным ассортиментом этого напитка, забросила монетку и чуть не обожглась горячим кофе. Рана на ладони давала о себе знать. Кларисса, в конце концов, оказалась за своим столом, сидела, уткнувшись лицом в монитор.

— Я сейчас перешлю тебе файл, напечатай его в трёх экземплярах, ладно? — Обратилась она к Клариссе.

— Конечно. — Согласилась та.

Лиз удивляло то, с каким равнодушием Кларисса всегда отвечала на все её просьбы. Впрочем, не только её, но и всех остальных. Она всё выполняла правильно, но без всякого воодушевления.

Кларисса = Зомби! Точно! — Лиз развеселило это сравнение, и она вбежала к себе в комнату. А что, вполне математическое уравнение, может ради шутки вписать его в презентацию? Решив, что всё же не стоит, Лиз быстро сообразила, что оценить шутку сможет Хлое, и тут же ей позвонила. Хлое

давилась со смеху, Лиз тоже. Придерживая трубку телефона, она, решив отхлебнуть глоток кофе из бумажного стаканчика, неловко взяла его больной рукой, стаканчик выскользнул у неё из рук, и горячая жидкость пролилась на стол и клавиатуру компьютера.

— Чёрт, Хлое, у меня тут кажется наводнение, я тебе перезвоню. Лиз быстро захлопнула крышку мобильного, и, не найдя ничего лучше, стала чистить стол бумагой. Только, встав из — за стола, она заметила пятна на своей юбке и сорочке. Чёрт! Чёрт! Чёрт! Идиотка!!!! Она помчалась к Клариссе.

— Кларисса, умоляю, помоги, я пролила кофе на клавиатуру! И какой кретин решил поставить, этот чёртов аппарат в офисе! Нельзя быть такой неуклюжей, причём здесь аппарат! — пронеслось у неё в голове.

Кларисса достала какие-то странные непромокаемые салфетки, и стала усердно просушать стол и заляпанный компьютер. Но клавиатура, напрочь отказалась работать. Маленькие буквы не повиновались, мышка заглохла. Надо было всё сушить. Презентация так и осталась не посланной и не напечатанной. Ровно в шесть начиналась встреча.

— У тебя... Лиз пыталась ухватиться, за малюсенький шанс выбраться из надвигающейся катастрофы.

— К сожалению, у меня, как и у всех кроме тебя, для работы в офисе только ноутбуки. — Сообразив, о чём подумала Лиз, ответила Кларисса.

— Мне показалось или она рада?! — спросила Лиз у самой себя, и машинально вынула свой портативный компьютер из сумки. Можно было конечно перебросить файл себе на почту и выпечатать с ноутбука, но времени уже не было, в прихожей у Балтазара, слышались голоса.

— Ты лучше иди, наверное, им надо будет что-то предложить, чай, например, — сказала Лиз и поправила юбку, обращаясь к Клариссе. Два коричневых противных пятна на одежде, можно было увидеть даже с дальнего расстояния, без очков.

— Где Лиз? Кларисса, будь добра, попроси её к нам присоединится, спасибо, — услышала она голос Балтазара, и ей захотелось только одного: поскорей исчезнуть отсюда.

Естественно побег Лиз не удался, единственное, что она успела сделать почти в агонии — нанести помаду на губы.

— Будет что скушать, усмехнулась она и, хотя ноги будто отставали от туловища, всё же вошла в большую светлую комнату для встреч, где за одним концом стола расположились двое: мужчина — Грэхем О' Кифи, и женщина — Анабель Соммерс.

Балтазар сидел на противоположной стороне и

Лиз интуитивно опустилась на стул рядом с ним. Стол был большой и неудобный. Лиз деловито поправила свой ноутбук. Балтазар налил ей минеральной воды в стакан. Лиз пить не стала, хотя в горле у неё пересохло, хотелось хорошенько откашляться.

— Мисс Соммерс, Мистер О' Кифи, рад представить Вам, заместителя главного редактора журнала, мисс Лиз Фостер. Мы с Вами много раз встречались, а вот Лиз, вы видите впервые, она с Вашего позволения проведёт сегодняшнюю презентацию, Вы, конечно же, сможете задать любые вопросы, мы с радостью попытаемся исчерпывающе на них ответить. Надеюсь, после презентации, Вы увидите, потенциал проекта, который видим мы, и нам бы очень хотелось, чтобы наши мнения совпали.

Балтазар перевёл взгляд на Лиз. Лиз встала, улыбнулась, и, вспомнив, как её в университете учили окидывать взглядом аудиторию, прошла в центр комнаты.

Незнакомцы сдержано улыбались.

— Надо было — бы повернуть юбку, промелькнуло у неё в голове. Начинаю на счёт три. Раз, два, нельзя чтобы моя пауза слишком затянулась, и три!

— Спасибо Мистер Хемиш, — начала Лиз не слишком уверено.

— Она нервничает, — отметил про себя главный редактор. — Провалит презентацию, — убью. А если не убью, с удовольствием отдам на растерзание. Хотя Грэхем с Анабель сами её сожрут, с потрохами. А я буду сидеть, и наслаждаться, нет, я буду упиваться этим зрелищем. Где бумаги с презентацией, и почему она вдруг решила, выйти в центр комнаты, как какая-то школьница? Боже, что она несёт! Так, похоже, будет интересно! Представление в самом разгаре — констатировал Балтазар.

Лиз не обладала телепатическим даром, а потому мысли Балтазара до неё не дошли. Она пыталась в его сторону вообще не смотреть. Её аудитория состояла лишь из двух человек. Хемиш был не в счёт. По крайней мере, ей так казалось. С ним она разберётся потом, завтра, если конечно оно, это завтра — наступит.

— Если для Вас библия это «Elle», «Vogue», «L'Officiel» и «Harper's Bazaar», то вы вряд ли найдёте в «Stones» то, что ищете. Множества модных фото — сессий, всевозможных новинок с показов мод или же советов как постричь чёлку, здесь не было, нет, и надеюсь, в обозримом будущем не будет. Это журнал не только для женщин, или только для мужчин. Это журнал, который с удовольствием читают и мужчины и женщины. Люди, которые живут также как мы с

Вами, а может гораздо лучше или гораздо хуже нас. Они работают, влюбляются, расстаются, растят детей, обожают, допустим, шоколад с орехами, любят смеяться и хохотать до слёз, предпочитают одиночеству шумные компании, могут целый день просидеть за книгой или перед телевизором, ходят в кино или театр, любят петь, пить и танцевать, курить кальян, а потом запивать зелёным чаем с орехами. Не очень жалуют вниманием политику, обожают животных как вообще, так и своих домашних питомцев в частности. Любят путешествовать. Любят, и жить не могут без своих друзей. Любят думать, искать и находить ответы на сложные и простые вопросы. Мыслят, имеют чувство юмора и здоровую толику цинизма. Курят или бросили, сбросили или набрали вес, бегают или плавают по утрам, или просто играют в компьютерные игры.

Они боятся, сомневаются, переживают, плачут, не уверены, что же будет завтра, и иногда им кажется, что всё лучшее уже позади. Они бывают чуточку рассеянны, но всё же своим духом они авантюрны и рискованны, а поэтому я уверена, они заслуживают, чтобы у них был «Stones». О финансовой стороне, о подсчётах и ожидаемой прибыли, Вас проинформирует мой коллега мистер Хемиш.

Лиз выдохнула. Ей хотелось пить. Она

вернулась на своё место, и села, близко придвинув стул к столу.

— Спасибо Лиз, за такую информативную, всеобъемлющую разработку вопроса, — с едва уловимой насмешкой в голосе поблагодарил её Балтазар и начал свою часть презентации. Анабель всё время что-то записывала, Грэхем внимательно слушал, и, как показалось Лиз, удовлетворительно кивал головой.

Что эти двое делали, когда она выступала экспромтом со своей речью, Лиз совсем не помнила. Да, провалы в памяти ни к чему хорошему точно не приведут, грустно — подумалось ей.

— Мы бы хотели продолжить нашу беседу за ужином, — вдруг высказался Грэхем О' Кифи, и оказалось, что вечер пока ещё только начинается.

— С большим удовольствием — согласился Балтазар.

— Лиз, конечно же, к нам присоединится. Не так — ли, Лиз?

— Да, обязательно.

— Давайте встретимся через час в «Гиппо» на бульваре Монпарнас, — предложил Балтазар.

— Договорились! Замечательно! — Анабель заметно оживилась известием о предстоящем ужине, в отличии от Лиз, которая и так недолюбливала деловые ужины, а сейчас чувствовала себя жутко уставшей, но деваться

опять было некуда. Проводив гостей, Балтазар вернулся в комнату для встреч. Лиз сидела у стола и нервно курила.

— Фостер, здесь не курят, ты забыла? Я думал, ты бросила.

— Нет, я прекрасно помню и знаю. Вчера не курила, сегодня с утра снова курю. Причём тут курение, нужно запретить, пить кофе, вот это точно!

— Кстати, почему ты поменяла программу презентации, она ведь была немножко другой?

— Немножко?! Я всё поменяла! Пролила, чёртов кофе на клавиатуру, и она заглохла!

— Имей в виду Лиз, если нас прикроют, это будет твоя вина!

— Совсем нет, Хемиш, во всём будет виноват этот дурацкий кофе!

— А ты возьми и напиши, когда тебя с позором выгонят, что в твоём увольнении виноват не я, не акционеры, а тонизирующий, вкусный, чёрный напиток.

— Обещаю, что напишу. Если до того не стану инвалидом, потому — что, свою правую руку, я уже не чувствую, а ты всё время лезешь с нотациями и ехидничаешь!

— Я не ехидничаю, я тобой восхищаюсь, хотя выглядишь ты с этими пятнами на блузке, совсем не так как подобает моему заму.

— А как подобает заму?

— Ну, в мокрой полосатой пижаме, например.

— Иди к чёрту!

— Я понял, что это твоя любимая фраза. Ну что, пошли? Поедем на ужин, на моей машине?

Ничего не ответив, Лиз вместе с Балтазаром вышла на улицу, и, подойдя к его машине, открыла переднюю дверь. Уверена она была только в том, что предстояло провести минимум часа два в обществе людей, которые были ей не очень симпатичны, включая того, кто сидел за рулём и напевал себе под нос какую-то старую песенку из репертуара Фрэнка Синатры.

Глава 4

Как и следовало ожидать, утром в субботу у Таши болела голова. Она не просто болела, она раскалывалась. Никому, включая её пса, до этого не было никакого дела. Пёс весело бегал по квартире, предвкушая долгожданную прогулку.

Таша влезла в джинсы, напялила на себя толстую, тёплую, но неудобную куртку цвета хаки, которая больше подходила для полярных экспедиций, подняла капюшон отороченный мехом, быстро взглянула на себя в зеркало и хотела было крикнуть матери, что в парк сегодня не собирается, но потом вспомнила: мать на неделю уехала на

конференцию во Флоренцию, так что сообщать о своих планах было некому, и Таша вышла с оживлённо прыгающей собакой за дверь.

Ей совсем не хотелось гулять, хотелось залечь в постель и выспаться, проспав так неделю, а потом, проснувшись обнаружить, что вся история с проклятым письмом в журнал — просто плохой сон. Когда она о чём — то нервничала, её всегда клонило ко сну. Марго говорила, что это нормальная реакция организма на стресс. Такая вот защита. Организм требовал сна, желудок китайской пищи, а обезвоженная кожа лица срочно нуждалась в новом креме. Дойдя до ступенек у входа в парк, Таша решила, что лучше забыть о своей досадной ошибке и перестать заниматься самобичеванием. Ну не станет она писательницей и что? Возможно, всё к лучшему, всё произошло именно так, как и должно было произойти. Чудес и счастливых случайностей наверно всё же не бывает. Или они происходят, но с другими людьми, во всяком случае, она уж точно к их числу не принадлежит. Все те, с кем её свела судьба, это — обыкновенные люди: счастливые, несчастные, довольные или не очень, тем, что у них есть, но они не сидят, сложа руки, и уж тем более не ждут чуда, а если и ждут, то слишком хорошо это скрывают.

Возвращаясь к дому, несмотря на усиливающуюся головную боль и недосып, Таше

постепенно стало совсем противно от того, что чуда не предвиделось. Придётся смириться с тем, что никакого чуда в виде новой работы, нового незапланированного путешествия или новых отношений в обозримом будущем не маячило. Ни за горизонтом, в более дальней перспективе, ни сразу за углом своего дома, в ближней.

Если бы можно было прожить минувший день заново, если бы можно было всё вернуть на несколько часов назад. Всего на каких-то несколько часов, тогда вместо не отпускающей мигрени, у неё могло бы быть сейчас совсем другое настроение, весёлое, а не гулкая пустота, поднимающаяся от желудка к горлу, превращаясь по пути в комок обвинений в свой адрес. С другой стороны, не случилось, ну и пусть. У Марго тоже многого не случилось, и у Насти, и у Эрики. У всех ведь бывают неудачи, и ничего особенно нового в этом нет, но неудача по собственной дурости, это всё-таки немножко другое. Винить и казнить себя трудней.

— К сожалению, перемотать историю с письмом назад, уже не получится, лучше прикупить сладостей и выпить чего-нибудь горячего. Наверное, это лучшая идея, которая пришла мне в голову, а потом посмотрим — успокаивала себя Таша. Из внутреннего кармана куртки послышался звонок.

— Таш, привет! — Звонила Эрика.

— Гуляешь?

— Ну да, уже возвращаюсь домой. А ты как?

— Да, ничего. Слушай, пойдём в китайский ресторан, а вечером к нам, на традиционный прощальный ужин, только я боюсь, Гийом до него не дотянет, у него жуткое похмелье.

— Вообще-то я тоже собиралась тебе позвонить, когда встретимся?

— Ну, давай где-то через час, девочкам я сама позвоню, ты же знаешь, пока они приготовятся, наступит следующее тысячелетие!

— Точно, ну пока, увидимся!

— Пока Ташка! Только, пожалуйста, постарайся не опаздывать!

Смешно, когда Эрика просит не опаздывать, ведь это у неё своеобразное восприятие времени. Не опоздать, значит для неё быть на условленном месте, минут через сорок. Её всегда всюду ждут, и она всегда извиняется.

До наступления следующего тысячелетия по понятиям Эрики было ещё целых два часа, то — есть, Таша вполне успеет побаловать себя горячими булочками прямо через дорогу от её дома, и выпить кофе, у себя на кухне. В системе её ценностей, булочки занимали твёрдые передовые позиции, особенно тогда, когда на душе было гадко, как сейчас.

Таша укоротила поводок, и подошла поближе к пешеходам собиравшимся, как и она переходить дорогу к вожделенным, хрустящим тёплым булкам. Её лабрадор Гриффин возбуждённо махал хвостом, ура! Мог бы он прокричать, если бы он был человеком, приключения продолжаются! Мы ещё не возвращаемся домой! Таша с Гриффином быстро зашли в кафе, где продавались её любимые сладости. Кое-где сидели посетители, но до обычного полуденного столпотворения было рано. Официантка Сусанна, которая жила с детства по соседству с Ташей, приветливо ей улыбнулась, и, положив в шершавый пакет разные вкусности, протянула ей.

— Ну как дела Наталья?

— Хреново! А у тебя?

— Так же, но мой учитель йоги говорит, что жаловаться нельзя, нужно посылать только позитивные импульсы.

— Ты ходишь на йогу?

— Уже целых три занятия! И всем рекомендую, повышает самооценку за — раз! Пессимизм улетучивается!

— А если серьёзная нехватка этих как ты сказала, позитивных импульсов, что тогда?

— Ну, тогда, всегда можно запастись, шоколадными пирожными, как ты сейчас.

— Это тебе тоже инструктор по йоге

посоветовал?

— Да нет, это я тебе на личном опыте советую.

— Наши личные опыты как нельзя совпадают. Ну, пока, я побежала!

— Давай, пока, тумбочка!

Тумбочкой Сусанна всякий раз обзывала растолстевшего пса, но Таша на неё не обижалась. Выйдя из кафе, Таша чувствовала себя чуть-чуть лучше.

— Может и мне стоит пойти на занятия йогой, и тогда, в один прекрасный день я переберусь в Индию, и буду с высоты какой-нибудь горы размышлять о бренности бытия, не волнуясь о своей неудавшейся карьере! — пронеслось у неё в голове.

Додумать свой новый образ отшельницы Таша, идущая по улице и пытавшаяся обходить лужи, не успела: из банковского паркинга, в пяти минутах до её дома, выскочил огромный чёрный джип. Таша отскочила, пытаясь увернуться от наезда. Она почувствовала пронизывающую боль, потом услышала скрипящий звук затормозивших машин, ругань, и скулёж собаки. Шоколадные булочки валялись в луже неподалёку.

Очнувшись, Таша обнаружила, что сидит на деревянном стульчике у какого — то ларька, а над ней склонились незнакомые лица, которые

внимательно всматриваются ей в лицо. Таша узнала продавщицу газет, а вот с виду молодого человека в куртке и огромных ботинках на толстой подошве, она видела впервые.

— С вами всё в порядке? — Спросил он по — английски.

— По — моему, да, а где мои очки? — Ответила она.

— Таша! — затараторила вдруг, продавщица газет. — Он тебя чуть не переехал насмерть!

Обладатель громадных ботинок дотронулся до Ташиной головы.

— Сильно болит?

— Да чего ты уставился, надо её срочно в больницу везти, может у неё сотрясение, или сломано что, давай быстрее, хорошо, что она вообще очнулась! — скороговоркой выговорила бойкая служительница средств массовой информации.

— Да, да, конечно!

— Вы можете встать?

— Где мои очки, и где моя собака?

— Простите, не волнуйтесь, да вот же Ваш пёс. А очки сломались, когда вы упали.

И тут только Таша прищурившись, увидела испуганного, дрожащего пса, который затравленно озирался сидя с ней рядом.

— Гриффин иди скорей сюда! Что с тобой,

тебе больно? Испугался, да?

Таша захотела приласкать пса, но наклонившись к нему, почувствовала, что у неё закружилась голова. Гриффин лизнул её в губы и Таша, почувствовав несвежее дыхание и шершавый язык своей собаки, улыбнулась.

— Мне нужно к врачу! Мне нужно к ветеринару, с Гриффином что-то не так.

— Я Вас отвезу, — вызвался незнакомец, но, по — моему, к врачу нужно в первую очередь Вам. Сейчас подгоню машину. Вы не уходите, мне нужно две минуты.

— Даже если бы я хотела смыться, не смогла бы, так кружится голова и всё болит, — ответила ему Таша, но как оказалось — мысленно, а вслух она задала вопрос, который больше всего её интересовал.

— Я что прямо так, без сознания валялась на улице? И сколько это продолжалось?

— Ну, наверно минуту, от силы две, потом мы усадили тебя на этот стульчик. Правда искали и второй, чтобы ты смогла вытянуть ноги, но в переполохе так и не нашли.

— Хорошо, что я сделала эпиляцию, — почему-то пришло ей на ум, и она улыбнулась самой себе.

В ветеринарной клинике суббота один из самых тяжёлых дней, хозяева питомцев,

мучающиеся чувством вины перед своими неухоженными друзьями, наконец — то находят время заняться ими. В эту субботу, естественно, тоже, в клинике была большая очередь.

Гриффин не очень любил туда наведываться, и успокаивался только тогда, когда понимал, что ничего плохого с ним не сделают, а всего лишь приведут в порядок, выкупают, ну и почистят зубы, или, в крайнем случае, если он соизволит, подстригут когти. При этом вид у него был напуганный и шёл он купаться как на жертвоприношение. Сейчас Гриффин отказывался выходить из машины, он был очень тяжёлый, и человек в спортивных ботинках, которого, как оказалось, зовут Дмитрий, помог Таше выволочь пса. Дмитрий придержал ей дверь, и Таша очутилась в приёмной. У неё кружилась голова, и она тут же присела в кресло. Гриффин испугано оглядывался по сторонам. Дмитрий стоял у двери, и видно было, что он немного растерян.

— Что на этот раз случилось? Опять проглотил целлофан, а Гриффин? — строго спросила главный ветеринар Майя, которую Таша, хоть и любила, но немного побаивалась.

— Да нет, нас, ну, то — есть, его и меня чуть не сбила машина, час назад.

Окончив фразу, Таша машинально перевела взгляд на Дмитрия.

Майя быстро, оценивающе взглянула, как ей казалось на виновника аварии.

— Ты слишком бледная, у врача-то сама была? Впрочем, скорее нет, я же знаю, схватила Гриффина и ко мне, а вид у тебя совсем неважнецкий Ташка. Давай-ка, приляг на диван, а я Гриффина пока осмотрю. Не бойся, всё у него будет хорошо, на, выпей воды.

Владелица щенка Хаски, а с ней и хозяин Риджбека предусмотрительно встали с дивана, уступая место Таше, у которой усиливалось головокружение, и рябило в глазах. Левая нога побаливала.

Гриффина тем временем втащили на стол для осмотра.

— Эй, виновник, подержите собаку.

— Он не виновник, — проговорила Таша, и посмотрела на свои испачканные, грязные джинсы.

— У меня, наверное, сотрясение мозга, этого ещё не хватало!

— Ну, тогда спаситель, подойдите. Да не укусит он Вас, Скорее залижет, — улыбнулась Майя Дмитрию.

Ташу клонило в сон, лежать на диване в приёмной у ветеринара ей было неудобно, хотелось домой, в свою кровать.

Майя, Дмитрий и Гриффин вышли из процедурной через полчаса. Гриффин всё пытался

облизать Ташу.

— Так, с ним всё нормально, переломов или гематом нет, мы ему ультразвук с рентгеном сделали, просто сильный стресс. Я сделала ему укол, пусть отдыхает. Хочешь, оставь его у меня, девочки за ним присмотрят. Хотя, лучше бери его домой, а то будешь звонить через каждые пятнадцать минут, сводя меня с ума. Держи. — Майя протянула Таше пузырьёк с желтоватой жидкостью внутри.

— Будешь давать ему три дня, два раза в день, если что, звони. Послушай, по — моему тебе срочно нужно к врачу, так что бери своего симпатичного спасителя и бегом в больницу, с этим шутки плохи, дуй отсюда!

Таша еле встала с дивана, поцеловала Майю и вместе с Гриффином, с помощью Дмитрия уселась на заднем сиденье.

— Давайте прямо в больницу — предложил Дмитрий. — Вы какая-то бледно — серая. Только в какую? Я не очень разбираюсь в здешних госпиталях.

Светского разговора как выразился Дмитрий, в машине ни по пути в ветеринарную клинику, ни по пути в госпиталь не получилось.

В больнице догадки Таши подтвердились. Дмитрий с Гриффином ждали её в машине. Диагноз — лёгкое сотрясение мозга, подразумевал

постельный, недельный режим и полный покой. Никаких компьютеров, чтения или просмотра телевизора. Хорошо ещё, что переломов, и внутренних кровоизлияний не было.

— Гриффин, нам с тобой сегодня сильно повезло! Отделались, как говорится, лёгким испугом, обратилась Таша к своему псу. Затем она сумела выдавить из себя благодарность по адресу Дмитрия.

— Что вы Таша, пустяки, желаю Вам быстро выздороветь.

— Банально конечно, но спасибо ему, таскается со мной полдня. Чёрт, меня сейчас кажется, вырвет прямо у него в салоне, — пронеслось в сотрясённом мозгу Таши. Она еле вышла из машины, Гриффин, окончательно убедившись, что, опасность быть оставленным в ненавистной лечебнице или непонятно ещё где, миновала, и он уже у своего дома, сильно потянул за поводок. Таша от испуга упасть, не сопротивляясь вслед за ним влетела в подъезд, успев лишь помахать Дмитрию рукой.

Насыпав Гриффину корма в миску и подлив воды, Таша прилегла и попыталась ненадолго уснуть, но её домашний телефон разрывался противной трелью, впиваясь в её и так попутавшиеся мысли. Звонили разъярённые Эрика с Настей, которые так и не дождались её в

китайском ресторане.

— Таша, ты чего, бойкот устроила? Где ты запропастилась, а? Мы уже пообедали, можешь не приезжать! — обиженно говорила Эрика. Надеюсь, хоть вечером тебя увижу, или ты и ко мне не собираешься, придумала уже какой — то веский повод улизнуть?

— Эрика, ничего я не придумала, всё как — то само собой случилось.

— Что всё, ну что ещё случилось со вчерашнего дня? Мы ведь договорились утром, забыла?

— Да ничего я не забыла, амнезии у меня к счастью нет, только лёгкое сотрясение мозга.

— Что? Ты что, упала опять?

— Нет, я возвращалась с булочной вместе с Гриффином и на нас чуть не наехала машина.

— Как это наехала?! Ташка ты в порядке?

— Ну, если не считать разбитых очков, огромного фиолетового кровоподтёка на правом бедре, потерянного телефона, и сильно перепугавшейся собаки, то, скорее всего да, можно считать я в полном порядке. Замечательный выдался день, лучше не придумаешь!

— Боже Таша, тебе ведь нужно лежать. А кто на тебя наехал, ты в курсе? Ты его видела?

— Нет, я не помню, помню только, большую машину и больше ничего. Провал в памяти.

— А что сказал врач?

— Велел лежать и смотреть в потолок, не употреблять кофе, сигареты, не смотреть телевизор и не нервничать. Отдыхать и наслаждаться одиночеством, одним словом.

— Слушай. Мы с Настей сейчас к тебе приедем. Что тебе принести?

— Эрика, мне правда, ничего не нужно, я устала, и хочу одного, немного поспать. Не обижайся, ладно?

— Ташка, ну какие обиды, ты чего, отдыхай. Я тебе потом позвоню. Настя вот стоит и грозитя того недоумка, который на тебя, ну то есть на тебя и Гриффина наехал засудить к чёртовой матери. А чего это вы обе, за два последних дня попали в аварии, сглаз, точно!

— Не знаю, больше похоже на обжорство, в моём случае.

— А где, кстати, твой мобильный, я тебе наверно раз десять звонила, а Настя и того больше.

— Хороший вопрос, но я понятия не имею. Выпал из куртки, наверное, искать не имеет смысла.

— Ну и чёрт с ним, купишь себе новый, не волнуйся. Всё, пока, не буду тебя больше мучить. Спи. Мы тебя любим!

— Я вас тоже!

Таша обожала это протяжное объяснение в

любви и дружбе, ей всегда становилось от него весело, и уже не очень — то и хотелось спать. Ей стало грустно, что из-за какого-то дурацкого сотрясения, придётся пропустить прощальный ужин с подругой, которую она вряд ли сможет увидеть до лета.

Гриффин залаял, услышав звонок в дверь, подбежал к двери и радостно подпрыгивая, начал царапать лапами дубовую обивку.

— И кого ещё занесло? Похоже, поспать мне уже не удастся. Помешкав секунду, Таша поглядела в глазок и сразу открыла дверь.

Дмитрий протянул ей свой мобильный.

— Таша, здравствуйте ещё раз, извините, вот, держите, это Ваш мобильный, я его подобрал, а отдать забыл. Вам звонили, наверное, Ваши друзья, перезвоните, они, возможно, волнуются. Я хотел ответить, но всё время был отбой...

— Спасибо большое, и извините Дмитрий, вы из-за меня потеряли целый день. А как вы меня нашли? Вы обошли все квартиры в подъезде?

— Совсем нет, продавщица газет помогла.

— Понятно. Может, зайдёте? Могу предложить кофе, чай, и полбутылки недопитого виски, если хотите.

— Пусть он откажется, пусть уйдёт, мне пить нельзя, и о чём с ним говорить совершенно не ясно, мы с ним едва знакомы. Помог, спасибо, до

свиданья. — Пронеслось в сознании Таши.

— Таша, вы — же совсем этого не хотите. У Вас на лице написано, что единственное, о чём вы сейчас думаете, это как можно быстрее покончить с вежливостью и поскорей от меня избавиться — неожиданно выдал Дмитрий, застав Ташу врасплох. И, тут, Ташу прорвало.

— Знаете Дмитрий, Вы, пожалуй, правы. Сегодня с утра, я всего лишь хотела выспаться, но надо было погулять с Гриффином, а Вася по субботам отдыхает, я вышла погулять, голова у меня раскалывалась. По крайней мере, мне так казалось, и чувствовала я себя со вчерашнего дня, последним лузером, особенно после трёх стаканов виски, водки и одного или двух бокалов белого вина, я, простите, уже и не помню. И мне очень захотелось чего-нибудь вкусного, сладкого, с шоколадом. Потом позвонила Эрика, и пригласила в китайский ресторан, мы обычно туда все вместе ходим, и едим супы, а ещё я обожаю гумбао с курицей, но почему-то кроме меня его никто не любит. В китайский, я как Вы наверно поняли, не попала, а чуть не попала под машину какого-то негодяя, который смылся, но Настя обещала, что его засудит. И теперь вот, у меня, оказывается, сотрясение мозга, и от того, что оно лёгкое, мне поверьте ничуть не легче, а мой пёс напуган, и Вы конечно, правы, мне бы сейчас прилечь, потушить

свет и поспать до лета. Летом, у меня настроение получше. Я люблю загорать и у меня красивые летние платья, и самой себе я кажусь не такой толстой, как сейчас. Я обожаю курортные романы, книжки и журналы, которые оставляю в номере гостиницы. Джинсовые шорты на загорелых ногах, и мои белые летние кеды, и мокрые волосы, и вкусные фруктовые коктейли, и запах летней ночи на море, и звук волн, когда засыпаю. Я ненавижу стоять вот так, в грязных джинсах, перед едва знакомым человеком, и звать его на чашечку кофе всего — лишь потому, что, он возился со мной полдня, и подвёз до дома, и не протестовал против осыпавшейся шерсти моей собаки в его машине, да ещё принёс мне мой телефон. А я стою как последняя стерва, и не решаюсь его впустить, потому — что, у меня, если честно, рябит в глазах.

— Таша, прежде чем спасти, это я на вас чуть не наехал. Так — что Вашей подруге Анастасии, придётся меня засудить.

Таша замолкла на секунду, и словно очнулась.

— Что? Как — это Вы наехали? Вы?! И молчали?

— Простите, ради бога, я не нарочно. Я ужасно торопился на встречу, а тут Вы шли посреди улицы с Гриффином.

— Неужели?! А я-то подумала, это Вы осуществляли какой-то зловещий план, и должны

были задавить даму с собакой. (Под «собачку» Гриффин явно не подходил). И что же интересно, Вы собирались делать, вот прямо так смыться?

— Нет, собирался выкупить свою вину перед Вами. Заплатить за лекарства и лечение, например. Разумеется, если бы оно Вам понадобилось. Но, слава богу, обошлось, то есть, я имел в виду, с Вами всё относительно нормально. И с Вашей собакой тоже. Так что сейчас нужно будет придумать другой способ Вас задобрить. Может шоколадными булочками, которые Вы сегодня так и не сумели поесть по моей вине, или китайской едой.

— А вы оказывается ещё и отъявленный пройдоха, Дмитрий!

— Скорее — гурман.

— Если бы с моей собакой что-нибудь случилось, я бы Вас убила. Я бы Вас из — под земли достала. Поверьте! Давайте Ваш мобильный, быстро!

— Зачем?

— Затем, чтобы Вы не сбежали, как собирались.

— Я не собирался никуда сбежать.

— Посмотрим. Дайте телефон.

— И как я по — вашему буду без телефона?

— А вот это меня совершенно не волнует.

— Таша, Вы, меня, конечно, извините, но Вам не кажется, что это смахивает на ребячество?

— Нет, дорогой мой, это самый обыкновенный шантаж. И Вы, я думаю, не в том сейчас положении, чтобы сопротивляться. Отдайте Ваш телефон!

— По моему, Таша, лучше оставить Вам мою идентификационную карту.

— И её тоже!

Дмитрий полез в карман и протянул Таше телефон с карточкой. Таша подозрительно взглянула на фотографию на ней.

— Как я понимаю, Вы мне кофе больше не предлагаете?

— Нет, не предлагаю! Ни сейчас, ни когда — либо потом.

— Ну, насчёт потом, я думаю зарекаться не стоит. Вы же сегодня не подозревали, что могли бы чуть не попасть под мою машину?

— Дмитрий, уходите лучше, а то меня сейчас стошнит.

— Конечно. Не буду Вам мешать, ещё увидимся, надеюсь.

— Блажен, кто верует!

— Вы что, не собираетесь мне возвращать мой почти — что паспорт и телефон?

— Нет, не собираюсь. Скорее я подам на Вас в суд.

— Ну что ж удачи — Вам!

— До свиданья!

Таша захлопнула дверь, и положила телефон с карточкой на рояль. Потом включила компьютер и набрала имя с фамилией своего нового знакомого в любимом «Google».

Дмитрий вышел из подъезда, и быстро сел к себе в машину, достав крошечный мобильный аппарат, он быстро набрал сообщение: «Первая часть успешно завершена».

Глава 5

Дмитрий Ланге по сведениям «Google» родился и вырос в Белграде, где дедушка Дмитрия, Виктор Ланге, нашёл свою любовь в лице пышнотелой, румянощёкой русской красавицы Софочки, дочери белогвардейского офицера.

Дмитрий учился в США, и обосновался в Лондоне, его страстью была кино — документалистика, он много работал по заказам ВВС и Discovery, и считался в своих кругах одним из самых успешных репортёров. Ланге путешествовал по всему миру и к своим 42 двум годам успел побывать во многих горячих точках Земного шара. Семьи у него не было, но были всевозможные журналистские премии, о некоторых из них Таша слышала, но довольно вместительный список так и не дочитала до конца: глаза начали уставать.

Таша заодно проверила свою почту, новых писем не было. Она стёрла все сообщения, вместе с её письмом к Лиз Фостер. Письмо от Лиз она стёрла тоже. Вот и всё. Нет никаких напоминаний о досадной неудаче. Всё. Надо вернуться в реальный мир. Пора уже перестать жить грёзами. В понедельник начну искать работу. А что интересно делает Ланге у нас в городе? Наверное, очередную документалку снимает. Чего это я вдруг переполошилась? Он ведь совсем не собирался говорить, что именно по его вине у меня сейчас сотрясение мозга и я еле жива. Придурок!

— Ташкаааа! орали со двора. Таша вышла на балкон и увидела Эрику с Гийомом, Марго и Настю. Открывай двери скорей! Мы решили прощальный вечер устроить у тебя, так как ты на неделю заделалась инвалидом! Лифт работает?

— Да, поднимайтесь быстрее! — прокричала Таша в ответ и засеменила к двери. Через десять минут компания уже была у неё в квартире, все попеременно почему-то её трогали и спрашивали, что у неё болит и где. Всеобщее оживление, в центре которого, конечно же, оказался Гриффин, быстро переместилось на кухню. Гийом, помыв руки, деловито стал вынимать из пакетов всякие деликатесы, которые заняли весь стол.

— Ташка, ты иди, приляг, тебе долго на ножках стоять нельзя — Эрика потащила её к

дивану.

— Мы сами всё организуем, где у тебя бокалы? А всё, всё, вспомнила, да лежи — ты!

Противиться натиску, у Таши не было ни желания, ни особых сил.

За маленьким журнальным столиком перед диваном разместились все. Гриффин хотел было залезть к Марго, если не на колени, то хотя бы в рот. Он всегда был голоден. А при виде пищи становился неуправляем, он начинал скулить и клянить со стола. Гийом кормил его рыбой, куриным филе и листьями салата. В конце концов, пёс успокоился и довольный лёг поперёк комнаты.

— Ну, давай, рассказывай! Подробно и в деталях — скомандовала Марго.

Настя устроилась поудобнее, в кресле. — Ну, Таша не тяни!

Гийом, несмотря на то, что понимал не все слова, тоже с интересом слушал Ташин рассказ.

То, что, Таша конфисковала телефон и идентификационную карту одобрили все, кроме Гийома. Он, не видел в этом никакого смысла, и сразу же сказал, что у виновника аварии, наверняка был второй телефон, и даже может быть другой паспорт. А когда Таша сообщила ему сведения, которые добыла в интернете, Марго, обожавшая триллеры и детективы, и не теряющая надежды воплотить в жизнь свою сексуальную фантазию с

Джеймсом Бондом, восхищённо воскликнула: — Девочки, а может он самый настоящий шпион?!

— Очень может быть, между прочим! — Согласился Гийом. Эрика с Настей и Ташей переглянулись.

— Марго, это ты со шпионом — загнула. Сказала Настя.

— А что, — продолжала Марго лепить образ шпиона, вспомните про идентификацию Борна!

— Да какой там Борн, он обыкновенный подданный другой страны, приехал, наверное, недели на две, и влип в историю. Чуть не сбил женщину, прости Ташка, молодую девушку с собакой. Вернее — чуть не укокошил! И пытался отделаться шоколадками, кретин!

— Не шоколадками, а пирожными, уточнила Таша.

— Пирожные не меняют того факта, что он трусоват. Хотел, наверное, ретироваться, но не получилось.

— Да все они немного трусоваты. Разве нет? — высказала своё мнение Эрика.

— Как же тогда он ездит в горячие точки по всему миру, если он трусоват, Эрика? — возразил Гийом.

— Ну, наверное, ему хорошо платят, и все эти штучки с адреналином, о которых мы миллион раз слышали, опасность и всё такое, игры, в которые

любят поиграть взрослые мальчишки, а потом ещё и тщеславие, вот Вам и известный репортёр.

— Точно! «Шпионские игры» мой любимый фильм! — опять оживилась Марго.

— Операция «Ужин на дом»! — Помните?! Когда герой Редфорда вызволяет за свои — же деньги из китайской тюрьмы Бреда Питта, операция так и называется «Ужин на дом» и Бред Питт понимает, что спас его старый учитель!

Марго так вдохновенно описала финал картины, что друзьям не нашлось что сказать, её послушно дослушали до конца. Когда Марго пересказывала хотя бы маленькую сцену из какого-то фильма, слушали её всегда с удовольствием, а она, так вживалась в роль рассказчицы, что перебивать её, было жаль.

— Вот именно — ужин на дом у нас и получился, — сострил Гийом, и все захохотали.

— Ташуля! Я знаю! — мечтательно протянула Марго. — Может это твоя судьба? Ну, то — есть этот Дмитрий? Кто знает, может, вы влюбитесь, друг в друга без памяти, и он женится на тебе, а мы приедем все вместе к тебе на свадьбу в Лондон!

— Марго, ты опять смотрела какую-нибудь мелодраму?

— Ничего я не смотрела, я просто чувствую, что они будут вместе. Не знаю — почему. Чувствую, и всё! Вот увидите, что-то между ними

произойдёт. Точно.

— Оглушительный секс произойдёт! — подхватила Настя.

— Эрика, что за секс? Я правильно понял? Таша, у тебя был с ним секс? Уже?

— Успокойся, Гийом, пока не было. И нужно говорить так: — Вы занимались любовью, или, Вы переспали? А то, заладил секс-кекс, ну похабно как-то, некрасиво.

— Ты хотела сказать не литературно? — поправил её муж.

— Не ссорьтесь, просто Марго у нас — девушка мечтательная, вот и придумала себе историю. Но с правдой жизни история эта не имеет ничего общего, к счастью.

— А вот и нет! и совсем не к счастью, Таша, ты какая-то слишком циничная стала после аварии, а зря! может быть, это совсем не простой случай, а твоя судьба! Слушай, а интересно, когда заявиться сюда твоя судьба? Ему же, рано или поздно, понадобится свой телефон?

— Не знаю, наверно на — днях, может — завтра. Во всяком случае, я сама ему звонить не собираюсь!

— Как — же ты ему позвонишь, если его мобильный лежит у тебя на рояле? — беспокойно посмотрела на подругу Эрика и продолжила. — Ты переволновалась, и сильно устала. Пожалуй, нам

пора закругляться. Мне ещё надо упаковать чемодан.

— Куда же ты спешишь, мы же увидимся ещё неизвестно когда!

— Как это — когда? Летом намечается традиционный тур по Европе, готовься! То — есть все готовьтесь, — поправил себя Гийом, и обнял Ташу, поцеловав её по привычке два раза, в обе щеки. Потом прошёл на кухню и выпил воды.

Таша крепко обняла Эрику, почему-то провела рукой по её лицу, словно пытаюсь запомнить черты её лица.

— Ташка, ты чего?

— Дура ты Эрика, я и так по тебе скучаю, каждый день, и, всё время боюсь, что забываю тебя! Всё, уходи, а то я сейчас разревусь.

— Что она сказала? — спросил Гийом, не разобравшись в Ташиных сантиментах.

— Сказала, что начнёт плакать, ну реветь, понимаешь? — ответила Настя, и изобразила пантомиму, собирая капельки слёз в кулачок.

— Боже, вздохнул Гийом, у моего ребёнка будут сумасшедшие крёстные!

— Какие всё — таки мы идиотки, сказали Эрика с Марго одновременно, и попытались подтолкнуть Гийома к двери.

— Пока Ташка, береги себя! — крикнула уже с лифта Эрика и послала ей воздушный поцелуй.

— Мы тебе завтра позвоним, — в след ей прокричали Марго с Настей.

— Пока, девочки!

На лестничной площадке было холодно, Таша быстро вернулась обратно к себе в квартиру. Было душно от табачного дыма, и Таша открыла окно. Посудомоечная машина загудела. Таша села к столу на кухне и придвинула к себе пепельницу, но промахнулась, и пепел оказался на скатерти. Таша хотела стряхнуть его краешком листка, и увидела, что на листке что-то написано. Почерк был незнакомый.

«Tasha, you may of course think that it's none of my business, but I guess, you should definitely try, maybe after all he's a great guy. I wish you all the best anyway.»

Guillaume

«Таша, возможно, меня это совсем не касается, но мне кажется, тебе стоит с ним попробовать. Может, он хороший парень. Желаю тебе, всего наилучшего».

Гийом

Таша рассмеялась. Ну вот, Гийом оказался с Марго заодно. Все за неё уже давно всё решили.

Гриффин заискивающе смотрел на хозяйку. Он уже давно хотел гулять.

На улице было холодно. Ветер срывал капюшон её куртки, Гриффин увлечённо бегал за

листьями, пытаюсь поймать их и съесть.

— Эй, Гриффин, это короткая прогулка, так что давай-ка побыстрее, делай свои дела и домой, я еле стою на ногах, не видишь, качаюсь туда-сюда.

Псу, несмотря на просьбы, было всё равно, и он заставил её почти бежать по освещённому проспекту. У Таши опять закружилась голова, и она, резко дёрнув за поводок, прислонилась к каменной изгороди красивого двухэтажного дома с маленьким садом перед входом; этот дом ей нравился с детства, ей всегда хотелось жить в нём.

— Гриффин, постой, дай отдышаться противный ты пёс! Ну, нельзя быть таким эгоистом!

Таша присела на маленький выступ стены у калитки в сад и посмотрела в небо. То ли у неё в глазах, то ли на небе было тысячи и тысячи звёзд.

Шерсть на спине у Гриффина приподнялась, он всматривался в темноту, словно улавливая запах, хвост у него застыл в горизонтальном положении.

— Что Гриффин, кошка? И тут Таша внезапно разглядела силуэт человека, который быстро приближался к ней.

— Чёрт, если у меня не галлюцинации, это точно Дмитрий, — пронеслось у неё в голове. Уйти я не успею, а вдруг он маньяк и ударит сейчас меня по голове, чем-нибудь тяжёлым!

Таша попыталась встать, но пошатнулась и села. Между тем, Дмитрий подошёл к калитке, и

хотел её открыть, когда увидел Ташу с Гриффином и остановился.

— Таша? Честно говоря, я не ожидал Вас здесь увидеть.

— Испугались?

— Удивился. А что Вы тут делаете? Вам же нужно лежать?

— Кто же за меня выгуляет собаку, если я буду лежать, Диккенс?

— А разве в таких случаях не говорят — Пушкин? По крайней мере, так говорила моя учительница русского языка. Кстати, давайте зайдём в дом, я замёрз.

— Вы живёте в этом доме?

— Снял в нём квартиру ненадолго. Пойдемте, угощу вкусным чаем. Для Гриффина, тоже что — то найдётся.

— Спасибо, уже поздно, нам пора возвращаться.

— Пойдём, не пожалеете, неужели Вам не хочется попробовать вкусного печенья. Постойте, я догадался, Вы меня побаиваетесь.

— С чего Вы взяли?

— Признайтесь, Вы думаете, что я маньяк, и искромсаю Вас ножом, а потом съем?

— Да, не без этого. Вы же пытались смыться, выдавая себя за доброго мальчика — ангелочка.

— А теперь добрый мальчик приглашает Вас

к себе, неужели Вам не интересно?

— Печенье, говорите?

— Вкусное, хрустящее, тает во рту, объеденье!

— Тогда — идемте, чего же мы стоим! — сказала Таша и подумала: — Ну, куда меня несёт, а вдруг он и вправду самый настоящий маньяк! Но почему-то ей стало уже почти всё равно.

Квартира Дмитрия оказалась просторной с довольно большой столовой. В центре комнаты стоял огромный стол, покрытый белоснежной скатертью.

— Располагайтесь, я пока приготовлю чай — сказал Дмитрий и, оставив Ташу наедине с Грифффином, пошёл на кухню. Грифффин тут же начал бегать по всей квартире, обнюхивая все углы, и интересные для него места.

Вскоре появился Дмитрий, неся на подносе заваренный чай, чашки и обещанное печенье.

— Ну вот, прошу — поставил он чашку перед Ташей. Налил и себе и уселся напротив.

— Пейте, пейте. Вкусно, поверьте.

Таша хлебнула глоток. Чай был ароматный, с каким-то странным, незнакомым вкусом. Ей стало приятно, и она расслабилась.

— Таша, можно Вас спросить?

— Раз уж мы с вами встретились уже в третий раз за день, я полагаю пора начать светскую беседу.

— А чем вы занимаетесь кроме прогулок с Гриффином? — Гриффин в эту самую минуту положил обе лапы на стол и попытался ухватить печенье.

— На, возьми, не мучайся, — улыбнулся Дмитрий и, кинул псу ломтик. Гриффин быстро проглотил кусочек, твякнул: ещё хочу; Добавка была выдана тотчас же.

— Вообще-то, ему нельзя сладкое. Вы его балуете.

— А вы — нет?

— К сожалению да — бывает.

— Так чем же Вы занимаетесь?

— Вы не тот вопрос задали Дмитрий. Надо было спросить, чем я не занимаюсь.

— Хорошо, тогда, чем Вы не занимаетесь?

— Не занимаюсь модной сейчас йогой, не вожу машину, не люблю экстремальные виды спорта, не люблю диеты и офисы, не умею готовить, ненавижу фразы типа: «Всё будет хорошо», если нет на то, никакого основания, не изучаю японский, и постепенно забываю французский, а в промежутках между всем этим, пытаюсь писать статьи, вернее пишу, преодолевая лень, и надеюсь когда-нибудь написать роман, стать богатой и знаменитой.

— Таша, может лучше вина, или чего-нибудь покрепче? Коньяк, Виски?

— Нет, спасибо. Чаю вполне достаточно. Пойдите Дмитрий, так не честно. Я Вам многое о себе рассказала, а о Вас ничего толком не знаю. Давайте теперь Вы.

— А что я? Я снимаю документальные фильмы, делаю репортажи для разных телеканалов, сейчас вот приехал сюда. Вы хотите написать книжку, а я надеюсь снять новый фильм. Посмотрим что получится.

— Значит, Вы уже знамениты, богаты и успешны?

— Знаменит и богат, это всё же слишком громко сказано.

— А Вы бывали когда-нибудь в Африке?

— Бывал. Года три назад.

— «У меня была ферма в Африке»...

Дмитрий улыбнулся, а Таша рассердилась на себя: ей показалось, что она стала похожей на Марго, которая всё время проводила параллели с любимыми фильмами, к месту и не к месту. Настроение быстро испортилось. Вся эта беседа показалась ей насквозь фальшивой, и свои интонации наигранными до пошлости. — Чего я тут расселась, и цацкаюсь, с каким-то самоуверенным типом. Потянуло меня на откровения за чашкой чая. Всё. Светская беседа подошла к концу.

Таша отодвинула стул и встала: — Спасибо за чай, мы пойдём.

— Надеюсь, Таша, Вы больше меня не боитесь, и не думаете что я маньяк — людоед.

— Я-то вас не боюсь, но вот моя подруга Марго, считает, что вы шпион. И, признаюсь, у меня тоже по этому поводу есть кое — какие сомнения.

Дмитрий захохотал. — Таша, вы смешная, рассеянная, и немножко, чуточку грустная.

— Чуточку — это хорошо, сойдёт, — ответила Таша, пристегнула поводок к ошейнику Гриффина и направилась к двери.

— А чай был обалденный! До свиданья, Дмитрий. Кстати, можете забирать телефон и карточку. Хоть завтра.

— Спасибо. Значит, вы начали доверять мне?

— Не знаю, скорее, я пытаюсь от Вас, избавиться.

— Ну, так мир или война?

— Перемирие.

Не глядя на новоиспечённого хозяина роскошной квартиры, Таша вышла, спустилась по широким ступеням подъезда, и очутившись на улице, вместе со своим псом направилась к своему дому.

— Интересно, почему это дамочка со своим псом — обжорой решила, что я шпион? Насмотрелась американских фильмов и начиталась детективов, наверное. А что ей ещё делать, она,

видите — ли, мечтает об Африке. В Африке она бы явно не выжила, да ей и на улицу-то выходить опасно! Угораздило чуть не попасть под машину, слава богу, выжила. Из-за неё, придётся теперь застрять в этом непонятном городе ещё как минимум на две недели. Дура! Как — же мне надоели, бесшабашные дуры! Сегодня я должен был записать несколько важных интервью, а вместо этого, таскался с ней по клиникам и больницам. Зря я, конечно, написал Алексу, что первая часть успешно завершена, никакой такой первой части пока нет. Как героиня для фильма и моей истории эта Таша не подходит. Искать нужно будет кого-то другого. Вечно эти женские каналы какую-то заумь придумывают. Какие на хрен портреты! Поехал бы я сейчас в Кабул, а не сидел бы в этой дыре, с полоумной девицей на свою голову. Интересно, что, и где она пишет, спрошу завтра. С утра.

Дмитрий заново заварил себе чай и уселся на удобный диван с журналом, который по привычке унёс с самолёта.

Глава 6

Вечером за ужином в ресторане «Nippro» на Монпарнасе, Лиз попала и с достоинством выдержала перекрёстный допрос с пристрастием о своей карьере до журнала «Stones», о том, где и

когда училась, замужем ли она, и какие у неё хобби. Она не очень удивилась интересу к своей персоне, но её удивило отсутствие реакции у Балтазара. Он был, как будто отстранённым от происходящего и всё время пытался сменить тему разговора, а когда Лиз начинала что-то рассказывать, не скрывал, что, ему скучно и его совсем не интересуют её достижения. Порой он изо всех сил, пытался «тянуть одеяло на себя», а к концу ужина и вовсе замолк и помрачнел. В отличии от него, Грэхем с Анабель казались вполне довольными. Во всяком случае, подумала Лиз, они отлично справились с ролью строгих судей. Анабель не выпускала из рук свой маленький блокнот в кожаном переплёте и опять, как и в офисе, всё время что-то записывала. Ужин закончился довольно поздно, оставив двойное ощущение.

С одной стороны, она не понимала, почему оказалась под таким пристальным вниманием, с другой — у неё появилось смутное предчувствие того, что скоро что-то изменится, и это будет иметь непосредственное отношение именно к ней. За много лет работы в глянце и на телевидении, Лиз успела научиться разбираться в людях и особых иллюзий на их счёт не испытывала. В гуще этой особой касты работников масс — медиа она чувствовала себя уверенно, но всё же, как не пыталась она воспринять ужин с представителями

главного офиса обыкновенной рутинной, что-то её настораживало. В первую очередь — Балтазар Хемиш.

Он вызвался довезти её до дома. Лиз не сопротивлялась.

— Что скажешь? спросил он Лиз, как только они сели в машину.

— Ничего, могло быть и хуже.

— Откуда такой пессимизм?

— Не знаю, слишком уж они на меня набросились с вопросами.

— Неужели ты испугалась? Что-то не верится.

— Нет, просто удивилась, с чего это Анабель вдруг так мною заинтересовалась.

— Не обольщайся, это её обычный номер, и ровным счётом ничего не значит. Там — первая скрипка Грэхем, и последнее слово при встрече с акционерами будет за ним. От него будет во многом, если не во всём, зависеть, что будет с журналом дальше. Кстати, вот кто тобой точно заинтересовался, так это именно он. Ты разве не заметила? Не ври, что нет.

— Ну, если честно, я не совсем слепая, но как-то вяло он «флиртовал».

— Это по — твоему, вяло?

— Что-то я не очень припомню, напомнишь?

— Размечталась! Ты и так сегодня героиня дня. Так что, хватит, ещё зазнаешься, и крыша у

тебя окончательно поедет.

— Когда это, интересно, у меня поехала крыша?

— Точная дата мне не известна, но к моменту нашего знакомства у тебя её уже точно не было. Кстати, можешь воспринимать это как комплимент, теперь, уже от меня. Мне всегда нравилось работать с такими экзальтированными типами как ты: никогда не знаешь чего от них ждать, хотя они хорошие исполнители, энтузиасты и трудоголики, а трудоголиков я обожаю!

— Трудоголиков вообще, или меня конкретно? Ты, на всякий случай — определись.

— Последние два дня я только об этом и думаю. Особенно после того, как ты потеряла бедного Балтимора.

— Сексуальные фантазии?

— Нет, пока до этого не дошло.

— Тогда, значит месть за потерянного кота, что, ещё хуже.

— Не бойся, пока мести не будет. Обещаю. Мечь будет в самом конце. Но я ещё не придумал, какая именно.

— А приблизительноно?

— Приехали. До свиданья. До завтра, — не открывая коварного плана мести, отрезал Балтазар, и Лиз ничего не оставалось, как выйти из машины.

— Завтра суббота — выговорила Лиз, делая

ударение на каждом слоге, хотя и догадывалась, что услышит в ответ.

— Неужели?

— Приду во второй половине дня.

— Это я приду во второй половине дня, а ты придёшь ровно в одиннадцать и не секундой позже.

Лиз хотела что-то сказать, но передумала. Она резко повернулась к машине спиной и пошла к дому.

Балтимор не возвращался. Блюдец с едой и миска с водой стояли нетронутыми на веранде. Лиз скинула туфли на высоченном каблуке, в которых проходила весь день и помассировала свои уставшие ступни, потом разделась и приняла душ. Выйдя из ванны, она тут же плюхнулась в кресло и включила свой ноутбук, протаскав его тоже повсюду в течении дня. Письмо от Таши на отличном английском застало её врасплох.

— Похоже, у кого-то тоже выдался не самый удачный день. Сдали нервы, у девочки. Не поверила в удачу, которая из неоткуда свалилась ей на голову. Что ж, пусть пеняет на себя, она решила поиграть? Если не считать её смешное письмо обиженного ребёнка, статью, вполне можно будет поставить в номер. Даже без правок. Талантливая всё-таки сволочь! Хемишу о её послании знать совсем не обязательно. Провалить мой проект я ей

не позволю, пускай помучается. Давай-ка Таша, поработай. Добро пожаловать в самый сладкий, самый манящий, самый засасывающий ад!

Завтра Балтазар просмотрит твой текст, он ему, конечно, понравится и хотя ты этого не заслуживаешь, у тебя начнётся Таша, другая жизнь. Трудная жизнь. Интересная жизнь, но мне кажется, долго ты не протянешь. Впрочем, посмотрим. Приезжать тебе пока, нет никакой надобности. Оттачивай своё мастерство на расстоянии. Я тебе не завидую, нет, мне просто интересно, что будет дальше. Выживешь, или тебя съедят собственные сомнения, страхи и комплексы, ну или другие авторы. А их много, поверь. И они ждут своего звёздного часа, а места для всех, здесь нет. По крайней мере, сейчас, и вряд ли будет. Ничего, понервничаешь и успокоишься, придётся привыкать, дорогая. Кстати, моя, как ты выразилась — задница — жопа, совсем, не огромна, и не такая — уж она и толстая. И кризиса любимая моя, после прочтения твоего письма, никакого не случилось, морального тем более. О морали, если хочешь знать, тебе придётся подзабывать. Не навсегда, но иногда.

Лиз переслала новую статью Таши на адрес главного редактора, а потом ответила ей.

* * *

— А она умная, эта твоя Фостер. Её так просто расколоть не удастся.

Анабель сидела в баре гостиницы, и пила джин с тоником. Столик был узкий, Балтазару было неудобно. Он только — что снял пальто, и, поленившись повесить на вешалку, перекинул его на спинку стула.

— Чего ж её колоть, всё и так ясно.

— Только, пожалуйста, не морочь мне голову, и не говори, что, она хочет занять твоё место.

— Разве нет?

— Нет. Её, хоть тебя это может удивить, даже ты не интересуешь.

— Вот в этом как раз, я сомневаюсь. Сильно.

— Ты просто слишком самоуверен. Она заиклена на работе. Она сообразительна. Она хитра. Но метит она куда-то явно выше твоего кресла. То есть, она фанатично относится к работе, а это немного опасно. Сам знаешь: в глянце ли, в ящике, фанатики дорогого стоят. Не считаешь так?

— Мне кажется, ты её слегка переоцениваешь.

— А вот и нет.

— Посмотрим.

— Будь осторожен. Грэхему она явно понравилась. А если Фостер уйдёт, одному тебе вытянуть журнал не удастся.

— Зачем она Грэхему?

— Затем, что, старик Грэхем прикупил недавно телевизионный канал. На журнал ему, скорее всего, уже наплевать. Вряд ли он станет его защищать перед другими членами совета директоров и акционерами. Он и так обеспечил себе старость, ему сейчас нужна новая игрушка, поиграет, немножко, а потом, может быть, и продаст. Я не знаю, когда точно это произойдёт. Может, месяца через три-четыре.

— Значит, журнал не прикроют?

— Нет, пока. Но Лиз я бы на твоём месте попридержала и использовала. Прорвётесь — хорошо, нет — я помочь не смогу. И так многое тебе порассказала. Грэхем — бы меня убил, если узнал.

— Да ладно, когда это он узнавал.

— Поднимемся к тебе или поедем ко мне?

— Давай к тебе, я что-то давно у тебя не была.

— Кстати, твоя фаворитка Лиз, вчера потеряла Балтимора.

— Как, потеряла?

— Да так, я забыл его у неё в машине, и он удрал из её дома.

— Что-то ты подозрительно спокоен, В чём дело?

— Я обожаю тебя, Анабель Соммерс!

— Хемиш, ты, конечно, тот — ещё подлец, но так и быть, я с тобой пересплю!

— Кто бы сомневался.

Балтазар галантно открыл перед Анабель переднюю дверцу, обошёл машину, сел за руль, пристегнулся, и плавно тронул с места. Вообще-то, с утра у него в планах не было возможного приключения с Анабель, но он любил спонтанность, и был не прочь немного поразвлечься.

Глава 7

Ташу разбудил Гриффин, он устал ждать и лаял всюю. Собака запрыгнула на кровать и начала лизать хозяйку.

— Гриффин, отстань, дай поспать ещё совсем немножко, прошу тебя! — Гриффин не отставал, и Таша была вынуждена нехотя встать с кровати. Она быстро накинула свой большой белый банный халат и зашла в ванную, быстро умылась и почистила зубы. Не успев закрыть тюбик с пастой и надеть оранжевый пластмассовый колпачок на свою щётку, Таша услышала звонок в дверь.

— Кого же интересно занесло с утра, наверное, Марго прискакала. Пошли, Гриффин, откроем дверь.

Плотно закутавшись в халат, Таша открыла дверь и обнаружила Дмитрия, который, поздоровавшись, сразу же протянул ей кулёк, с

мгновенно ворвавшись в квартиру, знакомым ароматом свежеиспечённых булок.

— Привет, то — есть, доброе утро. Вот, принёс Вам сладости. Решил что, одному завтракать неохота. Дмитрий вошёл в прихожую, даже не спросив её разрешения, и остановился в прихожей, не проходя вовнутрь квартиры.

— Доброе утро, Дмитрий, я бы конечно позавтракала с Вами, но для начала мне нужно погулять с Гриффином. Обычно мы долго гуляем по утрам. И вообще, Вы всегда вот так принимаете решения?

— Что Вы имеете в виду?

— То есть, вот прямо так, единолично? Решили, что, Вам, видите ли, будет скучно, и сразу же направились ко мне? А может, у меня совсем другие планы?

— Исходя из того, что Вы в халате, я бы не сказал, что расстроил какой-то особо важный план. Скорее, я, пожалуй, вовремя подоспел, пока Вы не распланировали свой день до мелочей. Разве Вы чувствуете себя лучше?

— Не совсем, хотя пытаюсь, но не очень получается.

— Может, я смогу с Гриффином погулять, как Вы думаете, он не будет против?

— Нет, нет, Вы что, он ведь может убежать, не дай бог, и Вы не сумеете его поймать, он

довольно быстро бегают, к тому же, совсем Вас не знает. Это плохая идея. Гриффин обычно очень сильно тянет поводок, и новичку с ним, то есть Вам, будет трудно.

— Таша, не так давно, у меня был американский бульдог, так что можно сказать, я не совсем профан, в этом деле. Может, мне всё же стоит попробовать?

— Боже, какой Вы настырный!

— Я решил с сегодняшнего дня стать добрым, чутким и внимательным, а Вы упускаете этот шанс. Пожалеете ведь потом.

— А Вы Дмитрий оказывается ещё и самоуверенны.

— Вы бы предпочли, чтобы я был так называемым хлюпиком?

— Для начала, я бы предпочла, чтобы Вы от меня отстали. Но по моему, этому не бывать. Возьмите поводок и идите, если уж так хотите. Только, смотрите, далеко не уходите, поводок из рук не выпускайте ни в коем случае, и возвращайтесь вовремя. Ещё не хватало о Вас волноваться. Да, кстати, возьмите Ваш телефон и карточку, вот они.

— Спасибо, но я вообще — то собирался вернуться, через полчаса.

Дмитрий положил принадлежащие ему вещи в карман куртки.

— Какие полчаса, Вы чего? Пятнадцать минут вполне достаточно. Риск — ни к чему.

— Да не волнуйтесь вы, это всего лишь прогулка. И всего лишь предложение позавтракать вдвоём.

— Правда, а я-то думала?

— Таша, почему бы Вам немного не расслабиться?

— Лучше пойду и буднично поставлю чайник, чтобы не сказать Вам гадость, чего, правда очень хочется. А Вы Дмитрий, если не передумали, идите уже. Жалко собаку, и так она давно терпит, бедная.

Дмитрий взял поводок и бодро вышел из квартиры вместе с Гриффином.

Закрыв за Дмитрием дверь, Таша через кухню вышла на балкон. Спустя несколько минут, она увидела, как Дмитрий вышел из подъезда и вскоре скрылся из виду вместе с собакой.

Хотя чайник засвистел довольно скоро, всё же ей казалось, что время идёт слишком медленно. Она переделась и потихоньку начала нервничать, когда в дверь позвонили.

— Где же это Вы запропастились, я уже занервничала — сказала она прежде, чем полностью открыла дверь нараспашку. Увидеть окровавленное лицо Дмитрия она ожидала меньше всего, и от испуга машинально резко притворила дверь.

— Боже, что я делаю! Дмитрий, что с Вами, что случилось? Что с Вашим лицом? закричала она в ужасе, впус­тив всё же внутрь любителя завтрака вдвоём.

— Таша, у Вас найдётся лёд?

— Да, конечно, а, что, в конце — концов, случилось?

Не дожидаясь ответа, Таша быстро открыла дверцу морозилки и так же быстро принялась выколачивать кубики льда из лотка, молотя им по столешнице. Лёд выпрыгивал из квадратиков и сыпался на пол.

— Давайте, я. Вы лучше сядьте. Дмитрий обмотал несколько кубиков полотенцем, которое Таша в спешке откуда-то достала, и приложил его к носу, потом к скуле и к опухшей губе.

— Кто это Вас так?

Гриффин в это время жадно пил воду из своей миски. Таша налила ему ещё.

— Всё в порядке, обычная уличная драка, ничего страшного.

— Как ничего страшного, если у Вас всё лицо в крови.

— Пустяки, это Вам с перепугу так показалось. Где тут у Вас ванная? Я приведу себя в порядок, если Вы не возражаете, можно?

— Конечно, идём.

— А у него красивые черты лица, карие глаза,

прямой нос, хотя, после сегодняшней драки, неизвестно каким он станет, и лёгкий загар, — почему — то подумала Таша, и начала деловито раскладывать принадлежности для завтрака на стол. — Интересно, что ещё может произойти? У меня хоть и лёгкое, но всё-таки — сотрясение мозга; тот, кто меня чуть не сбил, умывается у меня в ванной, его, похоже, избивали, и мы вроде бы собираемся пить чай или кофе. Ничего не скажешь — самый обычный воскресный день.

Дмитрий вернулся из ванной комнаты. Таша поставила перед ним чашку с горячим кофе, потом налила себе тоже и отломала кусочек булки.

— Не собираетесь рассказывать?

— Нет. Давайте попьём кофе и помолчим.

Таша отпила кофе.

— Строите из себя героя?

— Ничего героического в том, что мне пришлось стукнуть ублюдка, который пытался натравить на Гриффина своего стаффа, — нет.

— Как это — натравить?

— Обыкновенно.

— И что же вы сделали?

— А что бы сделали Вы на моём месте?

— Честно, не знаю, орала бы, наверное, а потом набросилась бы и расцарапала подонка.

— Молодец. А я двинул его по морде, он дал сдачи, ну и пошло — поехало. Он сейчас выглядит

намного хуже меня.

— Я была права, не надо было Вам, с Гриффином выходить.

— Ничего, как говорится, до свадьбы заживёт.

— Смотря когда свадьба.

— Моя, точно — не скоро.

— А я одну уже отменила.

— Да вы что? И?

— И не интересно совсем. Я уехала, потом вернулась, потом он уехал, и женился. Вполне счастлив сейчас. Живёт где-то в Панаме.

— А почему вы расстроили свадьбу, был кто-то другой?

— Лучше, угощайтесь Дмитрий, несмотря на то, что Вас из-за моей собаки отдубасили, мне не хочется посвящать Вас в детали своей личной жизни. Не обижайтесь.

— Совсем я не обижаюсь, мне просто жутко интересно стало. Простите.

— Ничего.

Зазвонил мобильный Таши. Звонила Марго.

— Ташка привет, как дела сегодня? Как чувствуешь себя, лучше? Лекарства пьёшь?

— Нормально, не суетись, успокойся! Всё в порядке.

— Что делаешь?

— Да вот, распиваю кофе со шпионом. Он

сидит у меня с утра.

— Что-то я не въехала Ташка, как — это с утра? Он что, у тебя ночевал? И как вообще он у тебя оказался? Вчера ведь с нами его точно не было.

— Марго, ложная тревога. Ты мне лучше скажи, Эрика с Гийомом нормально добрались?

— Да они уже в Брюсселе. Порядок. А что он у тебя делает? — продолжала Марго свой допрос.

— Как самый настоящий шпион, пьёт кофе и ест свои же принесённые сладости.

— Ух, ты! А можно на него посмотреть?

— Можно, он не кусается.

— Буду через десять минут! — весело выкрикнула Марго и бросила трубку.

— Сейчас к нам присоединиться моя подруга — Марго. Она умирает, как хочет с Вами познакомиться, Вы, не против?

— Совсем нет.

Марго явилась быстро. Сбросив свою новую куртку в прихожей она сразу же прошла на кухню, с интересом уставившись на мирно распивающего кофе Дмитрия, поздоровалась и уселась у стола.

— Таш, можно я сворю себе кофе? Ты сиди, я сама всё сделаю.

Узнав о том, что, Дмитрий документалист, и собирается снимать цикл передач о выдающихся женщинах, Марго ужасно воодушевилась и через

каких — то полчаса, Дмитрий уже был приглашён на чаепитие к её старой бабушке — бывшей актрисе. О том, почему у сидящего перед ней незнакомца распухла губа, и светится фонарь под глазом, Марго не спрашивала, ей было достаточно того, что Таша с Дмитрием ей рассказали. Остальное она додумает сама, без их помощи.

— Вот увидите, моя бабушка немного чудная, но совершенно необыкновенная! Я уверена, у Вас получится потрясающий портрет. Так что давайте заглянем к ней завтра. Таша, разумеется, тоже пойдёт с нами.

— Не знаю, смотря, как я буду себя чувствовать.

— Хорошо будешь себя чувствовать, а как же ещё?! Если устанешь, прилечь сможешь и там.

Иногда Ташу раздражал необоснованный апломб Марго, но она ничего не ответила. Бабушку Марго она очень любила, и навещать её тоже. Иногда Таше казалось, что это её собственная бабушка, которая умерла давно, и, по которой она жутко скучала.

Марго тем временем вспомнила, что, является матерью троих детей и заторопилась домой.

— Дмитрий хотите, я Вас подвезу? — обратилась она, к своему новоиспечённому знакомому.

— Давайте, мне тоже пора.

— Вот и чудесно, оставят наконец все меня в покое. — Подумала Таша, но опять промолчала. Ей хотелось немного побыть одной и отдохнуть от переживаний двух последних дней. Поэтому она попрощалась с Дмитрием и Марго, убрала чашки со стола, и, закутавшись в тёплый плед, легла на диване у телевизора, прихватив маленький ноутбук.

Бродя по интернету, Таша заглянула в свою почту и обнаружила короткое послание от Лиз.

На секунду Таше показалось, что это происходит не с ней, а с кем-то другим. Она отбросила плед, вскочила, и у неё тут же от резкого движения закружилась голова. Таша опять села и вдруг закричала, обращаясь к ничего не понимающему Гриффину, обхватив обеими руками его большую голову. — Гриффин! Твоя хозяйка не такая уж дура! Ей это только что сообщили!

Пискнул телефон. Пришло сообщение от Марго.

— Твой шпион доставлен к себе домой. Можешь о нём не волноваться! Завтра созвонимся. Пока. Кстати, моё предчувствие чего-то хорошего начинает оправдываться!

Таше не было никакого дела до её предчувствий. Она набрала номер Эрики в Брюсселе, и оставила сообщение, пересказав содержание письма. Через несколько минут перезвонила сама Эрика.

— Ташка!!! Мне хочется танцевать!!! Пойду, прогуляюсь, чтобы не сойти с ума до прихода Гийома! Люблю тебя! Вот видишь, а ты ещё волновалась! Целую тебя крепко, почти задушу!

Ещё через полтора часа позвонил сам Гийом. Справился о её здоровье, и предположил, что маршрут будущего путешествия по Европе нужно начинать с Парижа, ведь именно там выходит журнал, он прямо так и сказал: Ташин журнал. Таша мысленно улыбнулась этой фразе, прижимая трубку телефона плечом, вышла на балкон, и почувствовала, что в её город в этот сумасшедший день пришла Весна.

Глава 8

Балтазар сидел у себя в кабинете и внимательно читал статью нового автора. Лиз Фостер час назад занесла её и выпорхнула из комнаты. Больше всего он любил бывать в офисе в выходные, когда было сравнительно тихо, и ему не мешали суетливые сотрудники, при этом умные, амбициозные, талантливые и экзальтированные. Выдержать натиск этой троицы Лиз, Хлое и Себастьяна, выслушивать их нескончаемые новые идеи, критиковать вкусы и обсуждать виденье событий и фактов порой было невыносимо даже ему, Балтазару Хемишу. Иногда, как сейчас, он был

совсем не прочь отдохнуть от будничной суматохи и посидеть в тишине. Новая статья была хороша, даже удивительно хороша, но Балтазару показалось, что Лиз медлит, выжидает, не торопится. И он решил тут же выяснить почему. Взяв с собой два стаканчика кофе, он пошёл к ней в комнату.

— Кофе?

— Спасибо, угадал.

— Осторожно.

Лиз улыбнулась.

— Тебе не понравился текст? — перешёл он прямо к делу.

— Почему, текст замечательный.

— Шикарный — я бы сказал. Кстати, мы же договорились, что ты перешлешь мне свою переписку и где она?

— Извини, я забыла.

— А вот этому я не верю, с каких это пор ты начала забывать? Ты ведь никогда ничего не записываешь, и злишься, когда тебе о чём — то напоминают.

Балтазар уселся прямо на столе.

— Мне кажется, ты чего-то не договариваешь, что-то случилось? Ты чего-то ждёшь?

— Ну вот, начинается. А почему тебе во всём мерещится подвох?

— Лиз, у нас от силы месяца четыре, чтобы

вытянуть журнал. Роскоши сомневаться, и думать дольше обычного, нет. Так что, давай-ка, вызывай свою протезе, чтобы она была здесь максимум через две недели.

— Через две недели — нереально.

— Лиз?

— Подумай сам, только на оформление визы уйдёт минимум две недели.

— Пять рабочих дней.

— А может она исписалась, или у неё случится ступор? Мы что, будем её ждать? И кто тогда будет за неё писать? Я бы на твоём месте хорошенько подумала, ведь одноразовая сстатья и ежемесячная колонка это разные вещи и не факт, что она потянет.

— Рискнём. Терять нам всё равно нечего, ты ведь нашла Паолу Сабатини и Себастьяна.

— Да, но у них был опыт работы в таком журнале как наш, а этой без пяти минут писательнице, я думаю, просто повезло. При этом если помнишь, Паола, сначала влюбилась по — уши, а потом и вовсе отказалась сотрудничать, сославшись на то, что, вышла замуж и ей как оказалось — некогда.

— Спорить с тобой до хрипоты я не собираюсь. Сколько ещё эта девушка должна написать статей, чтобы удостоилась наконец чести приехать сюда и начать работать?! Пять, десять,

двадцать? Даже если она напишет сто очерков, ты всё равно будешь сомневаться?

— Можно устроить конференцию через Skype, маленькое собеседование. Мы всё-таки берём нового сотрудника на работу.

— Ерунда всё это. Бред. И ты это знаешь лучше меня. Зачем тогда было всё это затевать, скажи? Мне всё равно, устраивай хоть спиритический сеанс, но только, я хочу, чтобы мы увидели её не только виртуально, но и здесь у нас в офисе. Неужели это так трудно?

Лиз промолчала.

— Две недели. Чтобы к пятнице все документы были готовы. Скажи Клариссе, она знает, что и как, надеюсь, в понедельник она объявится.

Балтазар прыгнул со стола, бросил пустой пластиковый стакан в мусорное ведро и вышел из комнаты, через секунду вернувшись обратно.

— Балтимор не появлялся?

— Нет. Наверно его кто-то украл, или он попал под машину.

— Спасибо, Лиз.

— Тебе спасибо за кофе.

Лиз откинулась на стуле, подперев голову руками. — Похоже, я превращаюсь в Ангела хранителя. Неплохо было бы пройтись по магазинам и купить себе новые туфли. Главное, он

клянул. Да если понадобится, я сама поеду за этой Ташей и притащу её сюда, будет работать у меня как вол, крутиться как белка в колесе. А я понаблюдаю. За сто двадцать дней, что осталось журналу, если верить Хемишу, можно начать и закончить войну, можно перевернуть весь мир с ног на голову, и я точно знаю, с кем это произойдёт, чей маленький мирок, никогда уже не станет прежним. В самом крайнем случае — завтра.

Лиз встала, поправила пиджак и юбку и зашла к Хемишу.

— Какие у тебя планы на завтра?

— Хочешь меня куда-то пригласить?

— Нет, всего — лишь хочу назначить виртуальную, как ты выразился встречу с нашим новым автором. Ну, так когда?

— Завтра у нас что?

— Понедельник.

— Давай прямо после ленча, часа в три. Какова разница во времени?

— По — моему — ровно три часа.

— Идёт. Договорились. Позвонишь ей?

— Напишу, прямо сейчас.

— Не любишь разговаривать по телефону?

— Смотря с кем. Напишу, а потом, контрольный звонок.

— Давай, пиши. Можешь прямо от меня зайти в свою почту. А потом от меня — же и позвонишь.

— Ты мне не доверяешь?

— Мне приятно находиться с тобой в одной комнате.

— Да? А мне совсем неприятно торчать здесь ещё и в воскресенье, потому — что, мой шеф не соизволил появиться вчера на работе, и вместо того чтобы отдохнуть и отоспаться я сижу в офисе.

— Вчера я провёл полдня, с Анабель и Грэхемом, а потом ещё отвёз их в аэропорт, и не успел заскочить, видишь ли. Кстати, они пришлют свой отчёт на днях, так что не ворчи и готовься, ещё неизвестно что они там понапишут.

— Ты не уверен в себе?

— Я уверен, в том, что моё терпение быстро иссякнет. Лучше, давай, пиши это грёбанное письмо, звони и закругляйся.

Балтазар встал, уступая место Лиз за компьютером. Через минуту письмо было отправлено.

— Почему тебе так трудно нажимать на кнопку — «Переслать сообщение»?

— Я сейчас тебе его озвучу, не волнуйся.

Лиз быстро набрала номер, не подозревая о том что, Таша в это время пыталась бороться с накотившим приступом голода и поглощала один за другим, остатки завтрака, заодно угощая ими Гриффина. Она долго не могла найти телефон, ища его по всей квартире, и наконец найдя, тут же

ответила, успев заметить множество цифр на дисплее.

— Таша, добрый день, Это Лиз Фостер. В трубке у Лиз послышался шорох, и грохот.

— С Вами всё в порядке?

— Да, спасибо, здравствуйте, то — есть добрый день.

— Таша, я отправила Вам два письма, одно минут пять назад, Вы его читали?

— Нет пока, последнее я ещё не видела. Только вчерашнее.

Лиз начала было раздражаться, но быстро взяла себя в руки и продолжила.

— Таша, Вашу вторую статью тоже одобрили. Мы хотели бы побеседовать с Вами завтра, в понедельник вечером в шесть часов по вашему времени. Устроим маленькую конференцию. Время, я надеюсь, Вас устраивает?

— Конечно, завтра в шесть часов по местному времени — повторила Таша.

— Найдёте меня в Skype и добавите в контакты, меня и нашего главного редактора господина Балтазара Хемиша. Впрочем, я написала уже в письме.

— Конечно, обязательно. Спасибо огромное Лиз.

— Всего доброго Таша, завтра поговорим. — Лиз нажала кнопку отбоя.

— Доволен?

— Таша, это уменьшительное, от Наташа?

— Нет, от Элеонор Рузвельт.

— Подумай о псевдониме для неё, Маргарет!

— Митчелл?

— Вообще — то, я подумал о Тэтчер, но если тебе больше нравится автор «Унесённых Ветром» — на здоровье.

— Послушай Хемиш, уже четыре часа, на сегодня — всё.

— Разве? Ладно, иди. Телефон не выключай и из города не уезжай.

— Вечером, я надеюсь, мне встретиться с друзьями, можно?

— Лучше бы конечно с другом.

— Друг уехал. Писем не пишет и на звонки не отвечает.

— Да ну? Устал, наверное, от тебя, бедный. Ты же, как бульдог, вцепишься, не увернуться. Мёртвая хватка! А как его зовут кстати?

— Пока, Хемиш, до завтра. Надеюсь, успеешь туда, куда я сейчас тебя мысленно посылаю.

— Да вот я всё время думаю, а не прикупить бы у чёрта квартирку. Что-то я к нему зачастил. Осталась совсем маленькая сделка. Веду переговоры.

Остроты Балтазара Лиз слушала в пол — уха, ей надоело, хотелось одного, успеть примерить и

купить новые босоножки на высоченном каблучке, хотя Джемайма, и не советовала ходить в них часто, но кто её слушал. Родители её маленьких пациентов, но только не Лиз. Не сегодня, во всяком случае.

Глава 9

Таше казалось, что сотрясение мозга произошло у неё в голове во второй раз за эти дни. Одно она знала точно, что приступ голода трансформировался в булимию, и ещё она знала наверняка, что вряд ли сумеет уснуть. Дожить до шести часов вечера следующего дня ей тоже казалось сложным, дожить и не свихнуться от счастья и адреналина, бывшего через край. Ещё и ещё раз прокручивала она в голове свой разговор с Лиз и не верила своим ушам, ей хотелось себя ущипнуть. Прочитав последнее письмо, она и вовсе запаниковала. Мысль о том, что надо привести себя в порядок и пойти в салон — обрадовала её, дав надежду на собственную вменяемость.

— А ведь не всё так плохо, если я в состоянии найти номер салона и записаться туда с утра пораньше. Время пройдёт. Завтра понедельник, с Гриффином погуляет Вася, ключи от квартиры я отдам ему, так что всё я успею, всё успею. Главное не волноваться! Обыкновенное собеседование.

Наверное, — успокаивала она себя.

Таша понятия не имела, как выглядит обычное собеседование, потому что, никогда в нём не участвовала, работала в основном по договору и ни одного главного редактора журналов, где печаталась, толком не знала. Сидеть в офисе ей было совсем не обязательно. Она могла послать текст хоть из Вануату, был бы там интернет, впрочем, с её любимого дивана, получалось не хуже. Встречались сотрудники и редакторы с Ташей главным образом на различных вечеринках в честь того или иного события, какого-нибудь награждения, или просто корпоративно-богемной пьянки. Она не возражала, ей было чуточку всё равно, но иногда, всё же от неё требовалось вылезти из собственной уютной скорлупки, и она снисходительно соглашалась. Конечно же, она понимала, что на этот раз самый обычный день — понедельник, станет для неё особенным. Не похожим на все остальные дни, которые были до, и возможно будут после. Но, до него нужно было дотерпеть, доползти, дожить.

Таша решила позвонить Марго, вспомнив, что на завтра они договорились о визите к бабушке. Ей захотелось визит этот отменить, имея, как она попыталась объяснить пытливым подружке, веские на то причины. Узнав в чём дело, Марго долго восхищалась, выкрикивая обрывки фразы и

возомнив себя специалистом по собеседованиям. Она тут же напросилась в гости, не забыв сразу же перезвонить Насте и, объявив всеобщую мобилизацию, обещала захватить её с собой. Таше хотелось побыть одной, и успокоится, разобраться, подумать, но ей приказали поставить чайник и ждать прихода отряда особого назначения, состоящего из двух человек. Глубоко в душе Таша великолепно знала, что успокоиться и разобраться ей всё равно не удастся, и, не сопротивляясь, она сделала то, что от неё строго потребовали.

— Ташка, тебе надо постричься. Давай я запишу тебя к Гарику, — оживлённо строила планы Марго.

— Умоляю, никакого Гарика, надо идти в нормальный салон! — запротестовала Настя.

— У Гарика к твоему сведенью вся стена в сертификатах, и стажировался он в Италии, у какого-то тамошнего супер-пупер мастера!

— У кого? У Vidal Sassoon? Он не Итальянец, он британец, и умер в прошлом году.

— Не помню, чего ты пристала!

— Девочки, не ссорьтесь, прошу, я и так свихнусь уже! Запишусь сама. Вот только не могу найти телефон.

Настя быстро набрала справочную, узнала номер «Ташиного» салона и через десять минут Таша уже была записана. Настя была ужасно

довольна к большому удивлению Марго.

— Хочешь, я пойду с тобой? Увидев умоляющий взгляд Таши, Настя отступила.

— Ладно, иди сама, одна, но только постарайся хорошенько объяснить какую стрижку хочешь. Ту, которая будет нравиться тебе, а не твоему парикмахеру. Называется она ассиметричное каре. Помнишь да?

— Надеюсь, амнезии у меня не случится, ну, в крайнем случае, я тебе позвоню. Настя!

— Прости.

— Проехали.

— Интересно — осторожно сказала Марго, — о чём они собираются с тобой беседовать, обычно спрашивают об учёбе, прошлой работе, зарплате.

— Ну не о погоде же! — взвилась Настя. — О своей зарплате говорить не стоит, у них она наверно выше, о личной жизни я думаю — тоже. Ответы должны быть чёткими и ясными. Вопрос — Ответ. Вопрос — Ответ.

Таша и Марго взглянули на неё и засмеялись.

— Может, отрепетируем?

— Нет, только не репетиция. Никаких заранее заготовленных ответов.

— Она у нас вся такая спонтанная!

— Она у нас станет парижанкой, а мы будем гордиться и чуточку, ну совсем, совсем чуть-чуть завидовать.

О, а я знаю, точно, кто лопнет от зависти. —
Воскликнула Марго.

— И кто же?

— Нынешняя жена, твоего бывшего!

— И откуда она узнает?

— Ну, не знаю, может из «The Guardian»!

— Ох, Марго, мне бы твою фантазию и оптимизм!

— А что — ты собираешься надеть на это своё интервью?

— Джинсы забудь! — хором закричали обе подружки и успокоились только тогда, когда Таша вынесла на их обозрение брючный костюм. Подруги согласились, что костюм для столь торжественного случая подходит больше чем чёрное платье и окончательно отстали угомонившись. Остался не решённым лишь вопрос с визитом к бабушке.

— Она уже готовится, неудобно, если мы не пойдём.

— А зачем Вам я? Вы с Дмитрием и без меня справитесь.

— Секундочку, я что-то не врубилась — обиделась Настя. Какой ещё Дмитрий, тот, что тебя чуть не сбил?

— Он симпатичный, даже очень, как говорится, приятный во всех отношениях мужчина, — уточнила со знанием дела Марго.

— Насть, не бойся, отношений никаких нет. Он просто спас Гриффина сегодня утром. Таше было лень пересказывать детали происшедшего, но Марго не упустив возможности поупражняться в красноречии, рассказала всё от её лица. Рассказ Настю впечатлил, и она настояла на том, чтобы визит к бабушке ни в коем случае, не откладывали. Вдобавок оказалось, что ни у Таши, ни тем более у Марго номера Дмитрия не было. Как не было и желания наведываться к нему в гости. Так что оставалось только ждать, когда объявится он сам. То ли позвонит, то ли заглянет к Таше. Это интересовало Ташу меньше всего, ей хотелось как в детстве и юности перед экзаменами, успокоить себя тем, что и завтрашний день, так, или, иначе, закончиться.

Первую половину дня она проведёт в парикмахерской — приводя себя в порядок, вторую половину — наверное, всё же с Марго, Дмитрием и бабушкой, а там и время быстро пролетит, неумолимо приближая что-то новое и от того сладостно — страшное.

На следующее утро Таша проснулась рано. Впрочем, сном её состояние можно было бы охарактеризовать с большой натяжкой. Она не спала, побоявшись выпить снотворного, лишь время от времени впадала в забытьё, а просыпаясь, поглядывала в окно, ей казалось, что ещё никогда

она не ждала наступления утра так, как сейчас. В полшестого она поняла, что устала бороться с бессонницей и решила принять горячий душ. Гриффин был в замешательстве, он ходил за ней по пятам и удивлённо поглядывал на свою хозяйку, пытаясь угадать что же, она собирается делать дальше. Таша высушила непослушные волосы, выпила кофе, выкурила сигарету и решила, что ей жалко Гриффина.

— Пошли, погуляем дружочек, потом погуляешь ещё и с твоим любимым Васей, а сейчас со мной. Ты чувствуешь, как я волнуюсь да? Самое время выйти на улицу, главное, чтобы нас не съели дворовые собаки.

Таша собрала волосы в тугий пучок, нахлобучила на себя вязаную шапку и потопала во двор. Шапка лезла немножко в глаза, но она не обращала внимания. Всё, что она хотела видеть, она видела. Было уже семь часов утра, но город всё ещё не до конца проснулся. На улице было безлюдно, только знакомые дворники таскали мешки с листьями, которые Гриффин, конечно же, незамедлительно пометил. У него был свой излюбленный маршрут, он тянул Ташу к дому с садом и резной калиткой, в котором с недавних пор поселился Дмитрий Ланге.

Поравнявшись с ним, Таша по обыкновению взглянула в окна, выходящие во двор. Вспомнив,

сколько раз проходя мимо, она представляла, что это окна её дома, и это она живёт в нём. Ей нравилась даже старая кованная скрипящая калитка. Войдя в сад, сама того не заметив, Таша остановилась и задумалась. Гриффин присел. Стояла она довольно долго, и уже засобиралась уходить, когда свет над входной дверью подъезда внезапно зажёгся, и кто-то отворил её настежь. Из подъезда вышел Дмитрий. Таша хотела незаметно скрыться в глубине тени от огромного дерева, но конспирация не удалась, Гриффин сильно потянул поводок. Таша, споткнувшись о кочку, не смогла удержаться на ногах и упала плашмя.

— Ай, Гриффин, больно же! Идиот!

Дмитрий увидел сначала пса, а потом Ташу и подбежал к ней, помогая встать. Скрыть улыбку при этом он не сумел.

— С Вами всё в порядке, Таша? Ничего не болит?

— Не смешно, я сильно ударилась животом.

— Помочь?

— Да ну Вас, обойдусь без Вашей помощи на этот раз.

— А чего Вы в такую рань решили вдруг гулять?

— Бессонница замучила. У меня вечером важная встреча.

— Понятно. А мне жутко захотелось яичницу

с беконом, вот я и вышел, думал найти, где купить припасы.

— Пойдём, покажу.

— Не составите мне компанию за завтраком?

— Нет, спасибо, у меня с утра много дел.

Сегодня мы идём к бабушке, помните?

— Помню, конечно.

— Мы с Марго за Вами заедем в четыре.

— Ладно, договорились.

— А губа у Вас уже зажила, Дмитрий.

— Пустяки, пройдёт.

Таша проводила его до круглосуточного большого супермаркета и вернулась домой. Ушибленный живот побаливал, но не сильно.

— Ещё не хватало ему увидеть мой совсем не плоский живот! И вообще он какой-то странный этот Ланге, как увижу его, всё время со мной что-то плохое происходит, — подумалось Таше у зеркала, когда она нервно расчёсывала волосы.

— Всё, пора в салон, на встречу себя новой, — закончила она оптимистично монолог и вышла из дома. У неё было ровно два часа до того как Гриффин возвратится со второй прогулки, и уйма времени до события, которое должно было изменить, если не всё, то многое в её скучной жизни.

То, чего она никак не ожидала, и не увидела бы и в страшном сне, произошло в салоне красоты.

Ассиметричное каре — ей подходило, но новый, якобы тщательно подобранный цвет волос — лишь отдалённо напоминал её собственный, подтверждая лишь то, что, то ли Таша не разбиралась в предложенной цветовой гамме, то ли мастер оказался дальтоником, но времени перекраситься, уже не было. Ташу дожидались Марго, Гриффин и Дмитрий и конечно бабушка, которая наверняка накрыла стол, и с нетерпением ждала прибытия званых гостей.

— Марго!!! Я пропала! Посмотри, что они со мной сделали — скулила Таша у Марго в машине.

— Подожди, ну ты превратилась в рыжую симпатичную девушку, не ори, успокойся!

— Ну почему у меня всё так, а? Это меня Дмитрий сглазил! Я его уже боюсь, не надо его куда брать! Давай оставим его, и просто пойдём, выпьем чай и разойдёмся.

— Ты что, неудобно перед Ксенией, она ведь его ждёт! Вот Гриффина я бы оставила дома.

— Нет, ни в коем случае! Ксения его обожает!

— Ну, тогда — всё, успокойся, едем все вместе. Давай ключи, я его приведу.

Марго затормозила у Ташиного дома и через минуту вернулась с собакой. Пёс привычно запрыгнул в задний багажный отсек хэтчбека.

— Боже, на кого я похожа! Надо было к этому

твоему Гарику идти. Я сейчас зареву.

Марго промолчала, вцепившись в руль, хотя совсем не трудно было прочитать согласие на её лице. Таша не сдержалась, и больше от злости, чем от обиды дала волю слезам.

— Ташка, ты чего?! Вон, видишь, Дмитрий стоит, что же он подумает, не реви, прошу тебя, ну хочешь, я сейчас же куплю краску и сама тебя покрашу а?

— Не хочу, будет ещё хуже! — всхлипывала Таша, глотая слёзы.

— Здравствуйте, дамы, — весело поздоровался Дмитрий и уселся на заднем сиденье. — О Гриффин, привет ещё раз.

— Привет, у нас тут маленькая катастрофа случилась, не обращайтесь внимания, — извинилась за подругу Марго.

— Что такое?

— Таша ещё сегодня утром была шатенкой, а сейчас вот стала рыжей.

Дмитрий перевёл взгляд на Ташу.

— Ну и что? Очень идёт.

— Заткнитесь лучше! Всё это из-за Вас со мной случается! Шпион чёртов. Свалился на мою голову! — раздражённой скороговоркой выговорила Таша и начала искать в кармане салфетки, но так и не нашла.

— Возьмите — протянул ей пачку Дмитрий.

— Спасибо. Ой, уберите, они ароматизированные, сейчас я ещё начну чихать, не хватало ещё и аллергии.

— Извините, я не знал.

— Ну вот, приехали, — сказала с выдохом облегчения Марго, остановила машину и вышла первой, чтобы выпустить Гриффина. Они зашли в подъезд старого двухэтажного кирпичного дома с большим балконом, и медленно поднялись по красивой лестнице.

— Бабуля это мы! Громко прокричала Марго, нажимая кнопку звонка.

Ксения Петровна Месхи — была потомственной дворянкой. Отсидев много лет в лагерях, она поздно вышла замуж, давно уже стала вдовой и жила одна в старом доме. Марго с друзьями большую часть своего детства провели с ней и в последние годы, раз в неделю они обязательно собирались у Петровны, или у Ксюши, как её привыкли называть все вокруг. Она потрясающе готовила, писала прекрасные рассказы и сказки, неплохо пела романсы, обожала играть в нарды и преферанс теперь уже — на своём компьютере, который подарили ей «девочки». Так она называла своих подружек, живых и мёртвых. Марго, Настя, и Таша оставались для неё детьми, она всегда знала обо всех их приключениях и

романах, давала иногда смешные, а порой весьма ценные советы. Увидев заплаканную Ташу, Ксения Петровна переполошилась.

— Что с тобой деточка, ты плакала?

— Ничего, это у неё нервное, пройдёт, — ответила за подругу Марго.

— Бабуля познакомься, это Дмитрий Ланге. Известный репортёр. Он ездит по всему миру, сейчас вот делает женские портреты у нас в стране и мы решили тебя с ним познакомить.

— Вот и замечательно, проходите, молодой человек. Присаживайтесь. Нателла помогла с выпечкой, а я приготовила наш фирменный мясной пирог.

Несмотря на свой солидный возраст маленькая, но бойкая Нателла Акакиевна, уже многие годы помогала бабушке по хозяйству, приходила к ней каждый день став ей почти младшей сестрой. Она была быстра на руку, чистоплотна и доброжелательна. Ксения учила её французскому языку, Нателла делилась с ней сплетнями и рецептами из разных, как она выражалась дамских журналов и кулинарных передач. Единственное, что помощница никак не могла терпеть, это живность в доме. Особенно — Гриффина. Пёс чувствовал её неприязнь и отвечал ей разными шалостями, грыз её туфли, крал еду со стола и «всячески над ней издевался». — Как

считала Нателла, но всё же терпела и в большинстве случаев молчала.

Таша успокоилась немножко, она поддерживала разговор, даже пыталась смеяться, но настроение у неё медленно, окончательно портилось. Несмотря на то, что и Ксении Петровне тоже понравился новый, по её мнению весёлый и хулиганский цвет Ташиных волос, а причёска была оценена как изящная, «выгодно подчёркивает милые черты, красивые глаза и длинную шею», Таше казалось, что, дальше сегодня всё пойдёт не так, она не была уверена в себе и от этого ей становилось грустно и тревожно на душе. Казалось, в её сознании непроизвольно начался отчёт времени, неминуемо приближая её к чему-то, неизвестному. Она с трудом слушала Петровну, злилась на Марго, которая была целиком поглощена беседой с Дмитрием и ненавидела Дмитрия, виновника всех её бед.

Таша украдкой посмотрела на часы, было десять минут шестого. — Через пять минут я встану, откланяюсь и уйду. Петровна не обидится, я ей завтра же позвоню и всё как следует, расскажу, терпеть Дмитрия, сил больше нет. Всё, я пошла.

Но, не успела Таша встать из-за стола как из кухни послышался дикий вопль Нателлы, которая колдовала на кухне.

— Ах, ты сволочь! Мерзкое животное! Что ты

наделал! — кричала Нателла. Все бросились в кухню.

Нателла, держась за сердце, сидела на маленьком стуле. — Нателла, что с тобой? — подбежала к ней Таша и опустилась перед ней на корточки.

— Ой, вай — вай, он, он, он всё сожрал, всё, и тесто и крем! Заварной! — причитала женщина.

— Где собака? Гриффин, ты где? Ты в гостях в последний раз. Запомни! Выходи сейчас — же подлый пёс! — Звала Таша, обходя всю квартиру.

Подлый пёс был обнаружен под кроватью в спальне, и напрочь отказывался оттуда вылезать. Торчал лишь хвост, который маятником телепался по полу.

— Бабуль, Нателле плохо, — тревожно констатировала Марго.

Помощнице Ксении Петровны видимо было действительно плохо, она тяжело дышала, откинувшись на спинку стула и закрыв глаза. Таша дала ей воды.

— Давайте вызовем скорую, или лучше отвезём её прямо в больницу, — предложила Марго.

— Нателочка, не волнуйся, плевать на этот торт, или что ты там собиралась испечь?

— Хотела испечь Наполеон, — еле слышно произнесла жертва Гриффина.

— Давай, приляг, Наполеона в другой раз попробуем, правда ведь Дмитрий? — обратилась бабушка к Дмитрию, который не принимал участия в суете спасения.

— Боже!!! — неожиданно громко вырвалось у Таши, — ведь у меня через пятнадцать минут собеседование с редакцией в Париже. Я пропала, к чёрту, Петровна, извини! Прости! — она заметалась по квартире.

— Марго, давай быстрее включай компьютер, быстро, кому говорю!

Дмитрий, Ксения и Марго недоумённо смотрели на неё.

— С ума, что ли все сошли? — вдруг подала голос Нателла.

Бабушка быстро вышла из кухни и через минуту появилась снова, держа в одной руке длинное чёрное бархатное платье с бархатной — же накидкой, а в другой, парик из тёмных волос.

— Держи, Ташенька, иди, переодевайся, времени мало, но ничего, ты всё успеешь, не бойся. Бабушка подошла к Таше и поцеловала её в лоб.

— Бабуль, но это платье не совсем подходит — попыталась запротестовать Марго.

— У тебя есть в запасе что-нибудь другое? — строго спросила Петровна.

— Вообще-то нет.

— То-то — же.

— Ну, хоть парик зачем?

— Затем, что он в комплекте с этим платьем.

Таша быстро зашла в спальню, переоделась и вернулась к остальным на кухню.

— Ташенька, а ну надень теперь парик, посмотрим, как ты в нём выглядишь. Хотя, знаешь, рыжей ты выглядишь гораздо эффектнее, сними его на — хрен. А платье как — раз! Очень подходит!

— Бабушка, что за выражения? У нас — гость, иностранный.

— Разве молодой человек их никогда не слышал?

Все одновременно посмотрели на Дмитрия. Он не сдержался и захохотал. Таша слышала его смех, уже в бывшем кабинете дедушки Марго, где на старом столе с зелёным сукном стоял компьютер.

— Такие компьютеры наверно сейчас уже не выпускают — подумала она, и откинулась на минуту в удобном кресле. Сердце колотилось, где то у горла, и в висках. Живот сводило.

— Ни пуха, ни пера, — услышала она негромкий шёпот Марго. — Ташка, давай, лови мгновенье! — продолжала шептать её подруга. Дверь бесшумно закрылась, и Таша осталась совсем одна.

Характерное пощёлкивание в Skype означало, что собеседование началось. В маленьком окошке

на экране появилось красивое лицо Лиз.

— Именно о таких наверно говорят, — бархатная, светящаяся кожа. Волосы у неё тоже идеально уложены, и цвет такой насыщенно — пепельный, не то, что, у некоторых, и глаза такие живые, серые, или зелёные? — успела заметить про себя Таша.

Она открыла окошко на весь экран и увидела сидящего рядом мужчину, у него были очень короткая стрижка, щетина на щеках и чёрные, внимательные глаза, по крайней мере, ей так показалось. Очи — как выразилась бы Петровна.

— Здравствуйте, Таша, — начала собеседование Лиз. — Очень приятно с Вами наконец-то увидится. Вы меня хорошо слышите?

— Да, очень, Здравствуйте Лиз, мне тоже приятно.

— Волнуетесь? — вдруг спросил мужчина и ободряюще улыбнулся.

— Немножко, — ответила Таша, попытавшись придать уверенности своему изменившемуся голосу.

— Мы Вас долго мучить не будем. Часок другой.

— Боже. Я не выдержу. Выключу сейчас же компьютер и всё. *Finita la comedia!* — Подумала Таша. Она сглотнула, а Лиз продолжала: — Рада представить, главного редактора нашего журнала

Балтазара Хемиша.

— Очень приятно, — ответила Таша. Другой вариант ответа, напрочь вылетел у неё из головы.

— Итак, вы уже знаете, что две Ваши статьи будут в наших следующих номерах. У вас есть другие публикации? Расскажите нам немного о себе. Всё что угодно. Где Вы работали, учились, чем занимаетесь помимо работы.

И Таша начала свой рассказ.

Она как бы видела себя со стороны. Вернее не себя, а какую-то девушку в длинном чёрном платье до пола с рыжими волосами, с незнакомыми интонациями, странной манерой говорить немного нараспев, и историями, сюжеты которых были похожи то на мелодраму, то на комедию, а то и на самый настоящий психологический триллер.

Только закончив монолог, Таша обнаружила, что два её собеседника не просто смеются, а хохочут. Первой отдышалась Лиз, и, меняя тон, спросила:

— Таша, а Вы не пробовали писать сценарии? Ведь первое образование у Вас всё-таки киношное? Может, стоило попробовать?

— Она мне деликатно отказывает — усомнилась про себя Таша.

— Из Вашего рассказа мы поняли, что Вы успели много попутешествовать, продолжил расспросы Балтазар, — Когда Вы в последний раз

были в Париже? Я правильно понял, Вы же здесь учились?

— Точно так, я совершенствовалась там французский, потом были ещё тренинги.

— Об этом мы уже узнали, — прервала её Лиз.

— В позапрошлом году, — вернулась к вопросу Балтазара, Таша.

— Вы смогли бы жить в другой стране? — спросил Балтазар.

— Не знаю, может быть.

— Так, не знаете, или, не уверенны, что сможете? Жить и работать, — уточнила Лиз, чётко выговаривая слова.

— Смогла бы, наверное, но как это понимать: уехать, насовсем?

— Насовсем, не самое точное определение, скорее — на довольно долгий период времени, — снова уточнила Лиз.

— Поймите, Таша, не хочу Вас пугать, Вы однозначно талантливая, с этим никто не спорит, и если бы этого не было, мы бы сейчас с Вами вряд ли беседовали. Вам придётся много, очень много работать. Из читателя глянца, Вы должны будете превратиться в автора, его сотворяющего. Хоть Вы и печтаетесь в местных журналах, в будущем, в случае нашей совместной работы Вам придётся вкалывать целыми днями, а не тогда, когда Вы

соизволите, или вам этого захочется. От Вас этого очень чётко потребуют, будет трудно, поверьте. Здесь совсем другой ритм, жалеть Вас никто не будет, и то, что у Вас неплохое чувство юмора, всё же это совсем не значит, что оно вас спасёт.

— Без него у нас никак, согласись Лиз — попытался чуточку смягчить тон коллеги, главный редактор.

— Вот именно. Иногда. Так что Таша, Вы должны быть готовы. Решите для себя: хотите вы этого на самом деле, и если хоть маленькая частичка Вас, не хочет этого, испугалась, сомневается, тогда, это не Ваше.

— В позапрошлом году, говорите? — резко перебивая Лиз, переспросил Балтазар и, не дожидаясь ответа, продолжил. — Вы смогли бы начать, скажем, через две недели? Мы, разумеется, поможем оформить документы, моя помощница вышлет Вам завтра приглашение. Дорогу, билет и гостиницу мы берём на себя. Устроите себе шопинг, отдохнёте, представьте, что это каникулы, долгожданный отпуск, ну или маленькое приключение, и совсем немножко работы. Не молчите Таша, я не всем делаю такое предложение, поверьте. Будем считать, что это Ваш испытательный срок, — три месяца.

— А можно взять с собой мою собаку? — эта фраза сама — собой появилась откуда-то.

— Да хоть гиппопотама. Нам абсолютно всё равно, только советую Вам держать её подальше от Лиз. Она имеет обыкновение терять, и не удосуживается, потом искать чужих животных. Раз уже Вы решили взять с собой собаку, скорее всего Вы согласны попробовать, или я ошибаюсь?

— Да, конечно, я согласна! Я ужасно боюсь, но согласна, я совсем не уверена, но согласна — затараторила Таша, словно позабыв о том, что ей минуту назад говорила Лиз.

— Таша, у Вас есть ещё какие-нибудь вопросы? — оборвал её восхищённую тираду Балтазар.

— Пожалуй, нет, — соврала она.

Вопросов, конечно, было тысяча, а возможно — больше, но ей не захотелось спрашивать, а вдруг Хемиш возьмёт и передумает, а потому — промолчала.

— Тогда я думаю, мы можем закончить наш сегодняшний разговор. Лиз будет на связи, и моя помощница Кларисса тоже. До скорого, Таша, надеюсь, увидимся и поговорим. Удачного Вам окончания дня.

— Всего Доброго, Таша, было приятно, пообщаться, — распрощалась с ней и Лиз.

— До свидания, — вымолвила почти шёпотом Таша, и наконец до неё дошло, что собеседование закончено, что через каких — то две недели она

отправится в Париж. На три месяца. Даже если это испытательный срок, ну и что?

Она будет много работать, она наверняка будет ужасно уставать, она будет бродить по маленьким книжным магазинчикам, музеям (иногда), и гулять, гулять, гулять по набережным и бульварам (каждый день).

Таша выбежала из кабинета, подхватив подол длинного облегающего бабушкиного платья и закружившись, в каком-то только ей одной известном танце, весело пропела речитативом, окружающим обо всём, что, происходило в запылённом кабинете. Марго запрыгала, обнимала и целовала её, Ксения предложила немного выпить по случаю, тут же достав из шкафа — горки хрустальные фужеры. Дмитрий с интересом наблюдал за происходящим, отдавая себе отчёт в том, что его немного подзабыли. Всеобщее веселье прервал оглушительный вопль Нателлы, которая, придя, наконец, в себя от пережитой неудачи с тортом, опять что-то готовила, но у Гриффина для неё был очередной сюрприз. Он рвал Бабушкин парик в клочья, и довольный бегал по квартире с ним в зубах.

* * *

— Знаешь Лиз, иногда мне хочется тебя

убить. В последнее время — всё чаще. Отойдя от стола, сказал Балтазар. — Ты ведь хотела провалить интервью.

— Ошибаешься, Я всего лишь хотела удостовериться в её адекватности.

— Ну и методы у тебя! Она же чуть не расплакалась! Не хватало ещё её успокаивать.

— Поиграли немножко в хорошего и плохого полицейского, обычная игра. Она бы, не заплакала, дотерпела бы как-нибудь до конца, а то, что, произошло бы потом, нас уже не касается. По крайней мере, на трусиху она не похожа, довольно упряма и ни за что не откажется от своей цели. Фраза, о её сбывшейся мечте, меня, конечно, добила! И где она откопала это платье? Я бы не удивилась, если бы на ней оказался, допустим, парик, ну или шиньон. Наверняка она будет пропадать в винтажных магазинах, и на барахолках, вот увидишь.

— А вот и нет.

— Спорим? Ну?

— Давай. И на что же?

— Если выигрываю я — мой отпуск будет не две, а целых четыре недели, и ты не будешь мне звонить без крайней надобности.

— Крайняя надобность понятие весьма растяжимое, так что давай уточним.

— Вообще не будешь мне звонить.

— Идёт. Ну, а если ты проиграешь, Фостер, придётся тебе подарить ей эти твои новые туфли, которые лежат у тебя целый день в комнате, и устроить вечеринку прощания с ними.

— Мои босоножки? И не подумаю! Я их только вчера купила, и всего один раз примерила, даже не носила пока. Так не честно, это — обыкновенный садизм!

— Тогда, спор прекращён.

— Ладно, — помешкав, согласилась Лиз. — Идёт.

Балтазар вернулся к столу и уселся в кресло. — Замечательно! Ты свободна.

Лиз вышла от него, зашла к себе в комнату и сразу же вынула из сумки новые босоножки, которые из-за бредовой идеи её полоумного шефа, должны были достаться Таше. Неизвестно ещё, за какие заслуги.

Глава 10

Справиться с нахлынувшим волнением и адреналином Таша решила старым не раз испробованным способом. Прощаясь с Ксенией Петровной она пообещала привезти ей роскошный парик из города Парижа. Таша, Марго и Дмитрий в сопровождении Гриффина оказались в баре. Марго долго уговаривать не пришлось, ведь главная

проблема: с кем оставить троих детей была решена при помощи строгой няни, которая согласилась у неё переночевать. О том, что, думала о ней няня, в те редкие дни, когда Марго позволяла себе опаздывать, она задумываться не любила, как в прочем и о том, что, вряд ли успеет на каждодневную пятиминутку утром завтрашнего дня.

Завтра было слишком далеко, а сейчас ей хотелось поучаствовать в свалившемся прямо с неба счастье. Она немедленно привлекла к торжеству и Настю, которая примчалась в кафе раньше всех и заказала по случаю любимый белый Мартини. Они устроились снаружи, правда Ташу немного раздражало, что и Дмитрий принимал участие в посиделках, но она была слишком занята собой, для того, чтобы углубляться в какие — либо другие эмоции кроме веселья, кроме сладостного ожидания, и радостного душевного трепета по поводу своего будущего.

С завтрашнего дня, у неё будет много дел, предстоит ещё встретить маму в аэропорту, рассказать ей обо всём, и проследить, за тем, чтобы она не разболтала новость всем родственникам и по отдельности — своим кумушкам, сотрудницам и давним подругам. Мама не умела долго хранить дочкины секреты, Таша ранее страшно на неё злилась, и всякий раз устраивала скандал. Потом

она поменяла тактику, и оповещала её только о том, что, превратившись из строжайшего секрета в сплетню, не могло навредить кому-нибудь из знакомых. Хотя, конечно же, случались досадные промахи, но нечасто.

За прошедшие годы взрослой жизни Таша научилась мириться с тем, что люди вокруг неё, знали о ней, больше, чем ей этого хотелось. Через две недели она будет в другой стране, в другом городе, в другом социуме, где не принято спрашивать о размере зарплаты, и подробностях личной жизни, где никто не ходит без предупреждения друг к другу в гости, и банальный совместный поход в кино нужно планировать заранее. Таша давно уже хотела ощутить себя в непривычной для неё среде, в которой большинству людей на неё будет наплевать. Ей хотелось вырваться из-под опеки даже её ближайших друзей, хотя и придётся скучать по ним и тем временам, когда они взахлёб, перебивая друг друга, перескакивая с одной темы на другую болтали часами и не могли наговориться. Впрочем, наговориться они не могли почти никогда, на это им попросту не хватало времени, даже если они проводили вместе целый день: разговоры, разборки или пустой трёп никогда не заканчивались. Таша вдруг погрустнела, поняв, что через некоторое время сидеть как сейчас со своими девочками,

которые к счастью живы и здоровы, она долго не будет иметь возможности. Начинаясь новый отрезок её жизни, в котором одним из главных атрибутов общения станет «Skype».

— Настя, Марго, Я ведь буду очень скучать!

— Да ладно тебе! Скучать она будет. Соскучишься, звякнешь и мы тут как тут. Увидишь наши рожи. Вот когда ты училась во Франции, тогда было сложно, помнишь, мы писали тебе письма, чуть ли не каждый день, — пустилась в воспоминания о давно минувших днях, Настя.

— Конечно, помню, и до сих пор их храню, даже иногда перечитываю и дико хохочу, какие мы всё-таки были наивные.

— Точно, — согласилась с наблюдением подружки Настя.

У Марго глаза мгновенно наполнились слезами.

— Ташка, я тоже буду по тебе скучать, ужасно! И мне, почему — то кажется, ты оттуда вернёшься совсем не скоро, а даже если и вернёшься, будешь уже какой-то другой.

— Так, Miss «Мне почему-то кажется», придержите-ка ваши драгоценные слёзы для чего-нибудь другого, — посоветовала Настя, мимикой указывая на Дмитрия, который деликатно спросил, не желают ли девушки выпить ещё по Мартини или чего другого и, не дожидаясь официанта направился к стойке бара.

— Марго, не хнычь, мы тут не одни, пошевели мозгами, Дмитрию наши сопли — нюни вряд ли доставляют удовольствие. Если ты сейчас же не перестанешь, он наверняка свалит.

— Ну и пусть, а кто его держит? — вступилась за Марго Таша. — Должен ведь он знать своё время ну, и место. И так мы с ним сегодня почти весь день вместе. Всё возимся, возимся, Дмитрий попробуйте то, Дмитрий отведайте это! Записал кстати приличное интервью с Ксенией, и, вполне мог бы удалиться, я его не очень звала — вернее пригласила, но не усердствовала, а он и не отказывался, взял и прицепился, не оторвёшь. И мне ещё надо его развлекать, оказывается!

— Молчи, Ташка, он идёт. — Шикнула Настя.

— Предлагаю выпить за два удачных интервью — патетично провозгласила Настя, за что немедленно получила пинок ногой под столом, пинок достался и мирно дрыхнувшему Гриффину, который тут же проснулся и вскочил.

— Что ж, давайте чокнемся, подхватил Дмитрий.

Они чокнулись после ещё раз пятнадцать: за чудную бабушку Ксению Петровну за здоровье Нателлы, за бархатное чёрное бабушкино платье, за парик, который разодрал Гриффин, за торт «наполеон», который так и не успела выпечь Нателла, за Гриффина, за Марго, Настю, и, конечно

же — за Ташу.

Выпили по настоятельной просьбе Марго и за Дмитрия, который хоть и едва не убил недавно её подругу, но всё же, оказался «симпапулей». Она прямо так и выразилась, не обратив никакого внимания на гневные взгляды Таши. Даже несколько пинков ногой, с толчком локтем, не смогли остановить порыва Марго объясниться в любви к таинственному, всё ещё не совсем знакомому репортёру. Шпионом она его больше уже не считала, что Дмитрий тут же оценил, как повод выпить ещё по одному коктейлю, способствующему укреплению международных отношений, а Марго получила немой выговор, и предложение закруглится, которое с блеском проигнорировала.

— Слушай Ташка, тебе ведь вроде пить вредно, у тебя же сотрясение, этого как его, — мозга? — Вдруг, ни с того, ни с сего, вспомнила Настя о Ташиной травме.

— Очень своевременное замечание! Прошло уже, сотрясение, уступив место моему старому-престарому другу.

— Кому?

— Секрет.

— А я знаю! — повеселела Марго. — Диарее!
Дмитрий захохотал, а за ним и Настя.

— По- моему уже пора, надо успеть, пока Марго спьяну не выдала все наши секреты. Таша поднялась со стула и чуть не упала. Её, как ни странно, удержал натянутый поводок Гриффина.

— Пойдите, а на посошок? — Дмитрий, видимо, никуда не торопился.

— Ладно, давайте, — и каждый выпил ещё по стопке водки.

На посошок, стал рефреном, который всё время слышался Таше, а в промежутках она пыталась сообразить, почему должна сесть в машину, почему Марго стоит босая, почему ей так холодно и ужасно хочется спать.

* * *

Солнце заливало всю комнату, Таша проснулась, её мучила жажда. Спросонья она не совсем поняла, где находится. Присев и протерев глаза, Таша оглянулась вокруг. Интерьер комнаты был явно ей незнаком.

— Что это за плед, и почему я лежу одетая, и вообще где это я? — пронеслось у неё в голове. Она накрылась с головой пледом и легла обратно. Ей друг стало душно, Таша в панике вскочила и изо всех сил закричала первое, что пришло ей в голову.

— Гриффин!

Пёс вбежал в комнату и по довольному

выражению на его морде хозяйка поняла, что он уже завтракал. Таша выбежала из комнаты, и пошла прислушиваясь к незнакомым звукам большой квартиры в ту сторону, где вероятно была кухня. Там у плиты стоял Дмитрий и готовил что-то аппетитно шипящее.

— Ну вот, приехали, — подумала Таша и несколько секунд, молча, смотрела ему в спину.

— Доброе утро! — обвернувшись, с улыбкой сказал Дмитрий. — Будем завтракать, я попытался приготовить яйца — пашот, прошу к столу.

— Спасибо — ответила, растеряно Таша и присела на стул.

— Воды? — Дмитрий протянул ей стакан с холодной водой. — Может добавить льда? Или дольку лимона, он очень помогает в таких случаях.

— В каких — таких случаях?

— Ну, так сказать — с похмелья.

— Понятно. Давайте.

Дмитрий быстро нарезал лимон. Таша отправила дольку прямо в рот и зажмурилась.

— Весело мы вчера посидели, — попытался начать беседу Дмитрий, и поставил перед Ташей тарелку с вкусно пахнущим, только — что приготовленным блюдом.

— Послушайте Дмитрий, а почему я оказалась у Вас в квартире вместо своей? — осторожно спросила она.

— Вы уверены, что хотите услышать правду?

Таша стала нервно есть, не сводя взгляда с собеседника: — Если честно, я боюсь.

— Что вы, бояться нечего. Вы, категорически отказывались выйти из машины. Мне ничего не оставалось, как пригласить вас к себе. Ну а об остальном, я, пожалуй, умолчу, Вы сами, наверное, и так всё прекрасно помните. Вообще, я думаю после вчерашнего, мы можем уже перейти на «Ты».

— Секундочку, — насторожившись, прервала Дмитрия Таша. — Вы хотите мне сказать, что мы с Вами вчера...

— Нет, успокойтесь. Мы с Вами вчера помниться не трахались, как у вас говорят.

— Слава богу. — Пронеслось в голове у Таши. — Что же, интересно, я должна помнить?

— Ну, допустим то, что Вы почему-то решили детально рассказать мне о своём детстве и юности, очень красочно охарактеризовав Вашего бывшего. Вернее бывших. А когда я предложил Вам, всё же поспать, разозлились и обзывали меня разными словами, из которых самым не вежливым, пожалуй, можно считать разве что — «Моральный урод».

— Простите, этого я не помню. Чёрт! Я, наверное, должна Вас поблагодарить?

— За что? За то, что, я с Вами не переспал? Благодарите на здоровье. Я люблю благодарных

людей, женщин в особенности. И ешьте, а то остынет, и будет совсем не вкусно. Хотите кофе со сливками?

Он раздражал её, выводил из себя, по — существу — дразнил, а невозмутимость, с которой он поглощал эти самые яйца — пашот сводила её с ума.

— Ну и пусть! Скоро, мы с ним больше никогда не увидимся, он станет обычным воспоминанием, впрочем, как и я, для него. Поедет в свою Африку или в Гвинею, и прощай Дмитрий Ланге! Adios Amigo! — От этих мыслей Таша немножко успокоилась и даже чуточку повеселела.

Большой круглый циферблат часов, висящих на стене, показывал без пятнадцати двенадцать. Кофе был горячий, ароматный и вкусный, Ташу почему-то опять клонило в сон. В глубине дома зазвонил её мобильный телефон. Она непривычно быстро нашла его. Голос матери окончательно вернул её к действительности.

— Наталья, ты собираешься меня встречать или нет? Ты где? — недоумевала мама, которая, оказывается, заждалась её в аэропорту.

— Мам, я скоро буду, никуда не уходи.

— Я могу спокойно взять такси и доехать, но просто объясни, как ты умудрилась забыть, проспала опять да?

— Мамуля, говорю — же тебе, скоро буду,

багаж взяла?

— Нет, жду пока.

— Вот и замечательно, пока ты его возьмёшь я и подъеду. Встретимся в зале у выхода, целую.

Таша повесила трубку и обратилась к Дмитрию.

— Не могли бы Вы отвезти меня в аэропорт, мама приехала?

— Какая вы всё-таки догадливая Таша, я всё утро только об этом и мечтал.

— Что ж мечтам даже таких самоуверенных типов как Вы, дано сбываться. Банально, но факт. Так что — поехали.

Быстро собравшись, и прихватив, Гриффина, Таша дожидалась Дмитрия на улице, пока он выводил машину из гаража.

— Если бы мы переспали, наверно я должна была бы сексуально разгуливать босиком по его квартире в мужской сорочке, или сидеть на кровати и, подперев голые колени руками, слушать его трёп, — возник у неё перед глазами мысленный стереотип навязанный множеством фильмов. Марго обожала такое кино, Таша относилась к таким сценам с большой долей иронии, и попыталась прогнать навязчивый кадр из головы. Как оказалось тщетно.

Коротко стриженую голову своей мамы Таша увидела сразу, как вошла в зал аэропорта. Красиво

одетая женщина в чёрных брюках и строгом пиджаке нервно ходила взад вперёд. От скандала Ташу спасло только то, что с ней вместе, был какой-то, как выразилась её мать — новый молодой человек. Представив их друг — другу и успокоив возбудившегося при виде «своей» бабушки Лалы Гриффина, Таша уселась на переднее сиденье, не подозревая о том, что маме через несколько минут захочется самой порулить, на что, Дмитрий незамедлительно весело согласился: очередное приключение вместе с Ташей. Она же начала уже подумывать, что их встреча возможно и вправду была predetermined судьбой, или что ещё хуже, этот чёртов Ланге, — её карма. Не плохо бы по вопросам кармы обратиться к специалисту по эзотерике — Настасье.

— Как только мы отсюда выберемся, сразу же позвоню ей, заверила себя Таша. А до этого ей предстояло уговорить маму, отчитывающую дорожного патрульного, который к своему несчастью имел неосторожность остановить и оштрафовать их за превышение скорости. Что ж, пусть у кого-то тоже, день начался не совсем удачно, не совсем так, как хотелось.

Несмотря на то, что оштрафовали Дмитрия как владельца машины, мама — Лала Александровна в плохом расположении духа

совсем не была. Чтобы искупить свою вину она предложила вместе пообедать и сразу же пригласила Дмитрия вечером в гости, чем повергла дочь в ярость, но ей, в отличии от Таши, не было никакого дела до выяснения того, есть ли во встрече её дочери с приятным человеком что-нибудь кармическое. Лала Александровна просто считала, что, общаться с интересными людьми, это роскошь, и от неё отказываться не стоит, а в том, что Ланге фигура незаурядная, она заверяла Ташу, распаковывая чемодан, развешивая и раскладывая привезённые подарки в гостиную. Как всегда, мама была в своём репертуаре.

Выслушав рассказ дочки о событиях последних прошедших дней, она обвинила её в том, что из-за своей невнимательности, рассеянности и излишней мечтательности, та попадает во всякие происшествия, а новость о Париже она восприняла так, как — будто Таша, только что оттуда вернулась и собирается в очередную командировку.

Вердикт был молниеносным: Таше надо было срочно поменять гардероб, а в новой коллекции должны были занять почётное место два крохотных платья с инфантильными бантиками, которые, по словам Лалы, были самым последним пискom моды и она, обладая отменным вкусом и чутьём, конечно, их прикупила. Далее последовали одна за другой длинные тирады о том, что у Таши, необоснованно

заниженная самооценка, и она должна будет над собой хорошенько поработать, потому — что, необходимо ценить свой дар и не разбрасывать его направо — налево.

С каждым новым аргументом матери, Таша укреплялась в мысли, что её отъезд в столицу Франции подоспел как нельзя кстати. В противном случае ей бы ничего не оставалось, как перебираться в свой маленький загородный дом, избавившись от необходимости выслушивать советы, нравоучения и мысли вслух её либерально настроенной родительницы, которая в данный момент одновременно вела активные приготовления к вечернему приёму гостей в лице Дмитрия.

За вечерним чаепитием Таша в третий раз выслушала рассказ Ланге о его работе репортёром в разных точках земли и в тысячный — истории Лалы Александровны о своей деятельности врача, её политических предпочтениях, любимых фильмах и актрисах, которые к великому сожалению все как одна стали жертвами ботокса. Потом разговор плавно перешёл к Таше.

Мама с завидным упорством восполняла пробелы в историях о её дочери, которые та не успела сама рассказать Дмитрию прошлой ночью. Собственный портрет, в деталях нарисованный матерью и вынесенный на всеобщее обозрение,

Таше не понравился, и она тщетно пыталась перенести разговор на другие темы. Где-то к концу вечера Таша решила, что сильно ошиблась насчёт судьбоносной встречи, и перепроверять у Насти ей расхотелось. Она бы с радостью распрощалась с гостем, но тот, уходить не торопился, напротив, казался слишком довольным и расслабленным. Известие о том, что Ланге много раз бывал и работал во Франции развеселило Лалу Александровну, и она тут же принялась строить планы, посвящая в них, конечно же, своих собеседников.

— Таше определённо везёт, Вы, Дмитрий, появились как нельзя кстати. Понимаете, я волнуюсь о ней, как она там устроится, чем будет питаться, было бы так здорово, если бы Вы тоже оказались в Париже в одно с ней время. Я была бы гораздо спокойней.

— Мама! — укоризненно воскликнула Таша.

— А что — мама?! Я с тобой поехать не смогу, и как ты ориентируешься в незнакомой обстановке? Тебе же надо будет снять квартиру, открыть банковский счёт.

— На первых порах, недели две, я, наверное, поживу в гостинице, а потом всё потихоньку уладится. Я, если ты помнишь жила в Париже.

— Конечно, уладится. Но всё же, согласись, когда у тебя имеется хоть один хороший знакомый,

это совсем другое дело. Не будешь же ты слоняться по улицам вечерами одна?

— Надеюсь, я найду, чем заняться вечерами с моими новыми знакомыми, которых я обязательно встречу. — Таше захотелось даже гипотетически застраховаться от ещё одной встречи с Ланге, а потому, его небрежно сказанная фраза о том, что, он на протяжении следующих трёх месяцев вряд ли окажется с ней в одном городе ещё раз, её успокоила.

— Ну, вот и замечательно, — произнесла Таша довольно громко, стараясь проигнорировать явно недовольный взгляд своей матери.

— Вообще-то у меня довольно много друзей в Париже, я с удовольствием дам их координаты, они отличные ребята. Хотите, можете, остановится у кого-то из них, пока найдёте квартиру, на это ведь может уйти довольно много времени.

— Расскажите нам о них, пожалуйста, — заинтересовалась Лала, мысленно строя новый план для устройства будущего своей дочери. Строить планы она обожала, но загвоздка была в том, что, дочь её идеи насчёт себя, в серьёз не воспринимала.

— Например, Себастьян Саббатто. Потрясающий фотограф и весёлый малый. Мы с ним пересекались пару раз, по работе, но сейчас он больше в глянце. Или Марк Норштейн, переводчик — полиглот, живёт в Бордо и Париже. Ну, и,

конечно же, Лиз Фостер — мы с ней знакомы ещё с университета в Штатах. Жили в одном общежитии и довольно весело проводили время. Не виделся я с ней наверно года три-четыре, но попросить присмотреть за Вами, могу запросто.

Таша немедленно переспросила.

— Пойдите, Вы только — что сказали Лиз Фостер? Та, что работает в журнале «Stones»?

— По-моему, да.

— Блондинка с серо-голубыми глазами?

— Ну, если она не перекрасилась, то да.

— Боже! Да это же та самая Лиз, с которой у меня вчера было интервью. Дмитрий! почему Вы всё время молчите, и ничего не рассказываете о себе?

— Видите ли, Таша, Вы, конечно, может и не помните, но с момента нашего знакомства в основном я выслушиваю монологи или ваши, или ваших подруг, а вставить хоть слово поверьте, не так уж легко.

— Абсолютно с Вами согласна, — оживилась Лала Александровна. — Этот галдёж вынести невозможно. Если эти трое собираются, не считая, Эрики, постороннему в их кругу точно не сдобровать.

— Мама!

— Вы не любите посторонних. Вы ведь их просто терпите ради приличия, да и то, терпения

вам хватает ненадолго. Вот ведь человек сам признался. Остальные как-то быстро испарились, в том числе, и муж Маргошки, между прочим!

Дмитрий улыбнулся.

— К счастью пронесло, выжил!

— Мам, причём здесь муж Марго!

— Притом. Надо было оставить его в покое, а не таскать по вашим девичникам, может тогда их брак и не распался бы.

— Мамуля, брак Марго распался совсем не из-за наших посиделок, а просто, потому, что её муж оказался обыкновенным козлом! Понятно?

Таша перевела взгляд на наблюдавшего за затянувшейся словесной перебранкой Дмитрия, словно сопоставляя его с определением, данным неудачнику мужу — подруги, и взвешивая шансы Ланге — попасть в группу козлов и прочих парнокопытных.

— Все о нём уже давно позабыли и никого, а в первую очередь Марго он уже больше не интересуется. Расскажите-ка мне побольше о Лиз Фостер. Она как — никак мой работодатель.

— Проводите меня до дома?

— С удовольствием, всё равно надо вывести Гриффина напоследок.

— Тогда, пошли.

Пристегнув поводок к Гриффину, Таша терпеливо ждала, пока Дмитрий благодарил Лалу

Александровну дежурной фразой за прекрасно проведённый вечер, вкусный чай и интересную беседу, а она вторила ему и обменивалась с ним любезностями. Дверь за ними закрылась, и втроём, они, в который уже раз за последние дни пошли по знакомому маршруту.

— Таша, скажите прямо, что Вы хотите от меня услышать насчёт Лиз?

— Всё что Вы о ней знаете.

— Ладно, но взамен, обещайте, что пойдёте со мной к Ксении Петровне ещё раз, я должен закончить материал. Вернее доснять ещё несколько кадров.

— Почему же Вы не записали в прошлый раз?

— Я обычно работаю вместе с оператором, но моего, вчера отправили в Берлин, а выслать нового пока как я вижу, не собираются. Так что приходится снимать самому. У меня на всё только две недели, потом я должен возвращаться в Лондон.

— Ладно, заедем к бабушке, так и быть, а теперь рассказывайте.

— Лиз Фостер младше меня на несколько лет. Она примерно вашего возраста, лет где — то тридцати.

— Если бы. Мне уже 38.

— Ну, значит Вы почти одногодки. Мы вместе учились в Колумбийском университете, она была подружкой моего друга, итальянца Массимо

Кавано, они довольно долго были вместе, но потом расстались. Лиз всегда много работала, несмотря на то, что у неё чуть ли не единственной была персональная стипендия на всё время учёбы. Затем, она года два путешествовала. Между прочим, просилась и ко мне в съёмочную группу, но как-то не сложилось. Жила даже одно время в моей квартире в Лондоне, потом перебралась в Париж, и, похоже, ей там всё больше нравится. Мы с ней по работе никогда не пересекались, но от наших общих знакомых я часто слышал, что с ней довольно трудно работать, она амбициозна, упряма и иногда бывает, цинична, так — что я даже не знаю, повезло Вам с ней, или нет. В любом случае, думаю, расслабиться она не даст, и скучать Вам тоже вряд ли придётся. Не пугайтесь, съест она Вас не съест, ну может быть пожуёт чуть — чуть.

— Как это — пожуёт?

— Так, как обычно жуют новичков, доказывая им то, что, они, то — есть жующие и выплёвывающие жвачку, находятся на недосягаемой для новичков высоте.

— Но ведь я, извините, не какой — то стажёр. Они берут меня на работу с условием, что я буду писать для журнала. И во время собеседования именно Лиз сказала, что я бесспорно талантливая и если бы это было не так, они бы со мной не стали возиться.

— А кто Вам сказал, что это имеет значение? Советую научиться готовить вкусный кофе. Вот, что Вам уж точно пригодиться.

— Знаете Дмитрий, не уверена, как там насчёт этой Лиз Фостер, но циником мне всё больше кажется именно Вы. И эти Ваши манеры, все эти, «спасибо», «всего доброго», «было приятно познакомиться», так наигранны, так фальшивы. Мне всё время хотелось найти точное слово, фальшивы от начала до конца. И как Вы, склонившись надо мной после аварии, спросили:

«С Вами всё в порядке Miss?» — Мне от Вас становиться противно, от Ваших самоуверенных суждений и молчаливых усмешек. Вы думали, что я не видела? А с каким знанием дела Вы жарили утром яйца, как их?

— Пашот.

— Ну да, и как рассказывали мне утром, что сжалились надо мной и не переспали, воспользовавшись случаем, упиваясь при этом своим благородством.

— Извините Таша, я не думал, что вы так болезненно воспримите мой отказ.

— Отказ был бы тогда, если бы я Вам что-нибудь предложила, но так как ничего такого я Вам не предлагала, то это не отказ, а просто случайность. Я случайно оказалась у Вас дома.

— Раз уж Вы смогли за моим мнимым

благородством увидеть подлую сущность, я, пожалуй, могу рассказать Вам некоторые детали, о которых молчал.

— Есть ещё что — то, что я должна знать о Лиз?

— Скорее — о себе.

— Интересно, и что же?

— Допустим то, что, смешивать напитки не рекомендуется, я, конечно, понимаю, что вчера был особенный день, удачное собеседование и всё такое, но дело в том, что Вы выплеснули на мой диван весь ассортимент напитков который успели употребить за вечер, и мне придётся покупать новый.

— Вы уже послали мне счёт?

— Нет пока, сначала надо найти такой — же диван.

— Что ж удачи. И к бабушке вы идите как-нибудь без меня, можете позвонить Марго, она составит Вам компанию. Прощайте, Дмитрий.

— Знаете Таша, Вы с Лиз Фостер чем — то даже похожи — сказал Дмитрий, когда Таша, уже резко развернувшись, начала удаляться от него. — Она так же любит посылать всех к чёртовой матери или бабушке.

— Я имела в виду Ксению Петровну, но раз Вы так этого хотите, скатертью дорога. — Выпала Таша, и быстрым шагом направилась к

своему дому, энергично одёргивая поводок упиравшегося Гриффина.

* * *

— Нет, мам, он кретин, — оборвала Лалу Александровну вернувшаяся домой Таша, когда та, принялась расхваливать Дмитрия.

— Почему, деточка? Он такой холёный! А какие у него манеры, и цветы не забыл принести. Чем — это он тебя так обидел?

— Тем, что оказывается, я должна ему диван!

— Какой — такой диван?

— В народе называемый раскладушкой, мама!

— Что ж, вполне романтично, Ваша история началась с банальной раскладушки.

— А мне кажется, что всё закончилось, и не собиралась я ничего с ним начинать! Я иду спать, устала.

— Ташка, расслабься, какая же ты всё-таки мымра, и чувства юмора у тебя нет.

— Смотри на вещи проще, — одновременно сказали Мать и дочь.

— Я хочу уже сидеть в самолёте и лететь в Париж, а твой любимец Ланге, пусть катиться... ну пусть от меня отстанет.

— Ты, Таша такая ленивая дурёха. Ладно, ты права, завтра мне рано вставать, на утреннюю

конференцию. Гриффина я надеюсь, выведешь ты?

— Угу — проваливаясь в сон, ответила Таша, отчётливо представив, как Лала стоя у зеркала в ванной, привычным быстрым движением смывает свой безупречный макияж. Интересно, кто, кроме её матери, пользуется ещё вазелином для снятия теней с глаз?! — засыпая, подумала она.

Возвратившись, Дмитрий, быстро снял куртку, помыл руки, уселся перед телевизором и включил ноутбук.

— Привет Алекс, у меня всё отлично, на днях закончу съёмки. Скоро увидимся, надеюсь! Отослав сообщение, он налил себе чуточку виски, откинулся в кресле назад, и, набрав номер Лиз Фостер, приготовился к приятному разговору.

Глава 11

Вторник выдался сумасшедшим. Макет журнала был полностью готов к печати, оставалось только написать маленькую заметку для представления нового автора, которую по настоянию Балтазара должна была непременно написать Лиз: что — то ёмкое, лаконичное и весёлое. Надо было ещё придумать псевдоним этой Таше. До самого вечера вторника Лиз не смогла выдать из себя ни единой строчки, она лишь успела попросить Клариссу напечатать

приглашение и выслать его в двух экземплярах для Таши, и разузнать, сколько времени ей понадобится для получения визы. Кларисса должна была забронировать билет на пятнадцатое число, и всю информацию послать счастливнице на электронную почту. Таше оставалось только пойти во Французское консульство как можно скорее, заполнить анкету и уладить все формальности.

На ленче Лиз договорилась с Джеммаймой, — у которой, выдался, наконец, свободный день в начале недели, сделать педикюр. Ходить в салоны по отдельности, ни та, ни другая не любили.

Они сидели в одном из салонов Парижа запивая свою болтовню ни о чём морковным соком.

Телефон Лиз залился знакомой трелью. Звонил Дмитрий Ланге.

— Надо сменить мелодию звонка, подумала Лиз.

— Эй, привет, королева глянца!

— Не верю, неужели обо мне вспомнил великий репортёр? Какая удача! Он ещё жив, его не съели львы и гиены, и он не попал под шальную пулю? Я уже думала, меня попросят написать о тебе душераздирающий некролог, так долго тебя не было слышно!

— А я и не забывал о тебе никогда! Напротив, до сих пор сожалею, что ужасная Лиз Фостер мне в подружки не досталась, и столько времени и сил

было потеряно зря!

— Ну, сдаваться тебе пока рано, возможно, всё ещё впереди.

— Ты думаешь?

— А что, попробовать стоит, только тебе придётся переезжать сюда в Париж, на меж — континентальные романы меня не хватит.

— Приглашение принято.

— Послушай Димитриус, а давай, правда, приезжай ну, хоть на уик-энд, я так соскучилась, мне срочно нужна доза позитива и сплетен, я здесь практически в вакууме из-за своей работы.

— Честно говоря, не знаю, через две недели я должен быть у себя в офисе в Лондоне, но если найдутся свободные два дня, может и выберусь, посмотрим.

— Постарайся, прошу тебя! Кстати, ты сейчас где, в какой части суши?

— Вот это — большая тайна!

— Да ну, очередное секретное задание?

— Можно сказать и так.

— И когда она рассекретиться?

— Наверное, через месяц.

— А тема тоже секрет?

— Не совсем, женские портреты.

— Героинь уже нашёл?

— Одну, вторая в очереди, ещё не решил на счёт второй.

— А кто она?

— Да так, одна сумасбродка.

— Интересно, сумасбродок я люблю, так что буду ждать с нетерпением! Тащи свою задницу в Париж побыстрее, ну, что тебе стоит!

— Слушай Лиз, Массимо не появлялся?

— Ни слуху, ни духу, а что?

— Да так, просто вспомнил, как мы застряли в Аспене, помнишь?

— Давно это было. Мне кажется, что всё это было не со мной. Если честно, я по нему скучаю, не так часто, иногда.

— Я как-нибудь обязательно выберусь, только сидеть с тобой дома по вечерам я не собираюсь. Никаких домашних ужинов!

— Культурную программу я тебе составлю, не волнуйся.

— Имей в виду девиз — не одного вечера дома, пьём до потери пульса!

— По рукам!

— Только начнётся вся эта вакханалия не раньше, чем через три недели.

— Буду отмечать дни до твоего приезда на календаре крестиками, обещаю, ты только приезжай.

— Ладно, договорились, я тебе ещё позвоню. Будь умницей.

— Как раз умницей быть мне что-то сильно

уже поднадоело.

— Продержись ещё чуть — чуть, а потом начнётся веселье, обещаю.

— Надеюсь Дмитриус, целую тебя крепко!

— Я тоже, пока.

Дмитрий отсоединился.

— Ланге? — спросила Джемайма.

— Он самый. Я его обожаю.

— По — моему он тебя тоже. Мне он всегда нравился больше, чем этот твой Массимо. И что ты в нём нашла?

— У нас был совершенно потрясающий секс.

— Ну да, и выкидыш, — уточнила Джемайма.

— Из — за которого, мы и расстались. А сидел со мной у постели в больнице, между прочим, тогда Дмитрий, безвылазно, правда, с тех пор китайскую еду я ненавижу.

— А почему он не женат? Он гей?

— Да нет, он обычный трудоголик, как и мы с тобой, Джем.

— И нам срочно нужно расслабиться, давай выпьем ещё по одному соку.

— Давай, алкоголь подождёт до приезда Ланге.

— Правильно!

В отличие от Джемаймы, Лиз понравился свой педикюр, и хотя Айша явно перестаралась, главное чтобы он продержался неделю другую, а

потом, они с Джеммаймой найдут какой-нибудь новый салон, и поэкспериментируют там. Ей вдруг без особых на то причин, стало весело.

* * *

Совсем не весело, а страшно до тошноты от своего бессилия было тем же вечером Клариссе. С самого утра всё пошло не так. У неё начались критические дни, и она была рассеянной и раздражённой. Ей совсем не хотелось идти на работу, но отпроситься она не посмела. Лиз забросала её поручениями, и она совсем запуталась. Ну, не может она запоминать эти скороговорки Фостер и всё тут. А переспрашивать ей неудобно. Переспросит, и не дай бог раскроется её маленький обман, секрет, который она придумала, будто работала секретаршей в фирме. Никто ведь пока не перепроверял, вечно все заняты, и никому до неё дела нет. Вот и послала она, эти чёртовы приглашения не туда, куда надо было. А билет? Хоть билет она могла бы нормально забронировать, коза? Не могла, потому что именно сегодня надела свою, ярко — оранжевую юбку и всё время нервничала. Ей было неудобно и как назло Балтазар звал её десять раз за минуту.

Что ж, наверное, это её последний день на работе. С завтрашнего дня всё кончено, и ей очень

повезёт, если Лиз её не убьёт, когда узнает, что, она наделала. Билет поменять, конечно, можно, ну а приглашение? Надо будет звонить в посольство Великобритании и извиняться, что она идиотка, ошиблась. Потом она заново напечатает это чёртово письмо и потеряет ещё один день. А когда какая — то Таша, из-за которой чуть ли не весь офис стоит на ушах, явится в посольство Франции, её оттуда с позором выгонят, наверное, только из-за того, что у какой-то там растяпы Клариссы так некстати начались месячные.

Клариссу трясло, но она решила всё — таки подождать до завтра, и с утра попытаться рассказать всё Лиз. Ну не убьют же её и вправду, в конце концов. Всё равно, придётся смириться, рабочий день уже закончился, а завтра, возможно, она и успеет всё переделать, не помчится ведь эта Таша с утра прямо в консульство, наверняка у неё какие — то свои неотложные дела. Кларисса, пыталась успокоиться, но это у неё не очень получалось. И тогда, она решилась всё — таки разбудить заместителя главного редактора среди ночи, с надеждой, что она что-нибудь придумает. Через секунду Кларисса уже отчётливо услышала в телефоне заспанный голос Лиз.

— Лиз, извини, это Кларисса.

— Кларисса?! Что случилось? С тобой всё в порядке? Который сейчас час, господи?!